

НАСЛЕДНИЦА
ГРАФИНЯ ГИЗЕЛА

Евгения Марлитт

Евгения Марлитт

Наследница. Графиня Гизела (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982301

Наследница. Графиня Гизела: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2012

ISBN 978-966-14-3020-3

Аннотация

Пока красавица Фелисити была ребенком, ее молодой опекун Иоганн настаивал на том, чтобы ее держали в строгости: для воспитавших ее Гельвигов бедная сиротка – плод греха. Его презрение сменилось любовью, как только девочка выросла. Но прежде чем ответить на его чувства, она должна узнать тайну своего происхождения... («Наследница»)

Оливейра был одержим жадной мести за погибшего брата и свое изгнание из родных мест. Но чистое, невинное существо – молодая графиня Гизела, встретившаяся на его пути, – переплавило его горевшее ненавистью сердце в любящее! («Графиня Гизела»)

Содержание

Наследница	4
I	4
II	6
III	8
IV	10
V	12
VI	15
VII	17
VIII	20
IX	24
X	28
XI	31
XII	36
XIII	39
XIV	43
XV	48
XVI	53
XVII	56
XVIII	60
XIX	62
XX	65
XXI	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгения Марлитт

Наследница. Графиня Гизела

(сборник)

Наследница

I

– Скажи мне, ради бога, куда ты едешь, Гельвиг?

– С твоего разрешения – прямо в Х.! – прозвучал упрямый, насмешливый ответ.

– Но ведь по дороге туда не было никакого пригорка! Ты не в своем уме, Гельвиг...

Остановись, я хочу вылезть! Я вовсе не желаю выпасть из экипажа и поломать себе кости. Да остановишься ли ты наконец?

– Я опрокину экипаж?! Ну, это было бы в первый раз за всю мою жизнь, – хотел, по-видимому, сказать правивший, но раздался страшный треск, и говоривший внезапно остановился. Послышалось фыркание, стук копыт лошади, поднимавшейся на ноги, а затем она, высвободившись из постромков, умчалась как бешеная.

– Вот те и на! – проворчал первый из говоривших, поднимаясь с мокрого, свежевспаханного поля. – Гельвиг, Бём, вы живы?

– Живы! – отвечал Гельвиг, но в его слабом голосе не слышалось уже ни самонадеянности, ни насмешки.

Маленький экипаж, в котором три приятеля выехали утром из своего родного городка Х. на охоту, лежал колесами вверх возле злосчастного пригорка. Топот умчавшейся лошади давно затих, и темная ночь скрыла печальные последствия самоуверенности Гельвига.

– Не оставаться же нам тут ночевать, однако! Тронемся в путь! – напомнил уже более бодрым голосом Гельвиг.

– Разумеется, – проворчал толстяк, один из потерпевших, – я не намерен ночевать в этом логовище, придумай лишь способ выбраться на дорогу... Я не двинусь отсюда, пока не будет света! Хоть я и заполучу от этой сырости ревматизм, но все же не желаю сломать себе шею в ямах и канавах этой милой местности.

– Не говори глупостей, доктор, – сказал третий собеседник. – Не можешь же ты сидеть тут, пока мы с Гельвигом доберемся до города и вышлем тебе помощь. Я уверен, что мы можем выйти по полю на проезжую дорогу. Идем...

Толстяк проворчал что-то, но согласился с приятелями. Идти было неудобно, комья земли приставали к охотничьим сапогам. То и дело они попадали в лужи, обдававшие их жидкой грязью. Наконец путники добрались до проезжей дороги и мужественно продолжили путь.

Подходя к городу, они увидели быстро приближающийся свет, и скоро Гельвиг узнал ярко освещенное фонарем лицо своего привратника Генриха.

– Это вы, господин Гельвиг? – воскликнул тот. – А барыня уже думает, что вы разбились насмерть!

– Откуда же она знает, что с нами случилось несчастье?

– Недавно к гостинице «Лев» подъехала повозка комедиантов, а за ней шла наша лошадь. Хозяин гостиницы и привел ее к нам. Барыня очень испугалась и послала меня с фонарем искать вас, а Фридерике велела заварить ромашки.

– Ромашки?... Ну, мне кажется, стакан глнтвейна или по крайней мере кружка пива помогли бы скорее.

– Я тоже так думаю, господин Гельвиг.

– Ну, иди вперед с фонарем. Пора нам наконец по домам!

На городской площади товарищи по несчастью молча расстались, пожав друг другу руки.

Утром на всех углах улицы были расклеены красные афиши, объявлявшие о прибытии знаменитого фокусника Орловского, и молодая женщина ходила из дома в дом, предлагая билеты на представления. Женщина была очень красива, но лицо ее было бледно как мел, и когда она изредка поднимала опущенные золотистыми ресницами веки, темно-серые глаза бросали трогательно-кроткий взгляд.

Она пришла и в дом Гельвига, самый красивый на площади.

– Барыня, – сказал Генрих, отворяя дверь в комнату нижнего этажа, – пришла жена фокусника.

– Что ей нужно? – спросил строгий женский голос.

– Ее муж дает завтра представление, и она хотела бы продать билет.

– Мы истинные христиане, и у нас нет денег на такие глупости. Скажи ей, чтобы она уходила.

Парень затворил дверь и смущенно почесал затылок, ведь жена фокусника все слышала. Ее бледное лицо вспыхнуло, и тяжелый вздох вырвался из груди...

В это время выходившее в холл маленькое окошечко отворилось и мужской голос попросил один билет. В руке молодой женщины очутился талер, и прежде чем она успела поднять глаза, окошко захлопнулось и задернулось зеленой занавеской. Добродушно улыбающийся Генрих отворил входную дверь, и бедная женщина побрела дальше.

Привратник вошел в комнату своего хозяина. Это был небольшого роста старый человек с худым и бледным, но удивительно добрым лицом.

– Ах, господин Гельвиг, – сказал верный слуга, – как хорошо, что вы купили билет! На бедную женщину жалко смотреть, хоть ее муж и нечестным трудом добывает себе хлеб... Ну, да ему здесь не посчастливится, помяните мое слово!

– Почему же, Генрих?

– Потому что наша лошадь пристала к их повозке, когда они въезжали в город. Это не к добру – ведь лошадь прибежала с места несчастного случая.

Не получив ответа, Генрих вышел, качая головой.

II

Зал ратуши был уже полон зрителей, а по лестнице все еще поднимались новые. Генрих тоже был в толпе и усердно работал локтями.

– Боже, если бы барыня узнала, вот была бы гроза! Барину завтра же пришлось бы идти к исповеди, – шептал он своему соседу, показывая на Гельвига, сидевшего со своим другом, доктором Бёмом, у боковой стены зала.

Программа обещала разные чудеса, а в конце ее было написано следующее:

«Шесть солдат выстрелят в г-жу Орловскую из заряженных ружей, но она одним взмахом меча рассечет в воздухе все шесть пуль».

Жители городка Х. и собрались главным образом для того, чтобы посмотреть это чудо. Все было забыто, когда на эстраде появились шестеро солдат под командой унтер-офицера – публика заволновалась, потом настала мертвая тишина.

Фокусник подошел к столу, чтобы на виду у публики проверить патроны. Он стучал молотком по каждой пуле, чтобы зрители убедились в их неподдельности, затем роздал солдатам патроны и велел заряжать ружья.

Из-за ширмы вышла его жена и стала напротив солдат. Левая рука ее была прикрыта щитом, а в правой она держала меч. Белая одежда спускалась на пол широкими складками, грудь была скрыта сияющей кирасой.

Золотистые ресницы не дрогнули, когда в мертвой тишине зала раздалась последняя команда. Послышался залп – меч со свистом рассек воздух, и половинки пуль попадали на пол.

Еще одно мгновение была видна высокая стройная фигура фокусницы, пороховой дым скрывал черты ее лица, и вдруг она покачнулась, щит и меч со звоном упали на пол, и с криком «Боже, я ранена!» женщина упала на руки подбежавшего мужа.

Он унес ее за ширму и как безумный бросился к солдатам. Им было заранее приказано, заряжая ружья, вынуть пули, раскусить их пополам и держать во рту, чтобы выплюнуть эти половинки тотчас после залпа – в этом, собственно, и состоял весь фокус. Но один из солдат, неловкий крестьянский парень, совершенно смутился при виде такого количества людей и забыл исполнить приказ: его пуля и поразила несчастную женщину.

В зале произошло смятение. Некоторые дамы упали в обморок, слышались голоса, зовущие доктора. Но доктор Бём давно уже был за ширмой у раненой. Он вышел оттуда бледный и тихо сказал Гельвигу:

– Спасенья нет. Она умирает...

Через час жена фокусника лежала на постели в гостинице «Лев». Ее вынесли из зала на диване, и Генрих помогал нести.

– Ну что, господин Гельвиг, разве я был не прав? – спросил он, проходя мимо своего барина, и две крупные слезы покатались по его щекам.

Бедная женщина тихо лежала с закрытыми глазами. Распушенные золотистые локоны спускались с постели на темный ковер. У постели стоял на коленях фокусник, и рука раненой покоилась на его голове.

– Фея спит? – еле слышно прошептала молодая женщина, с трудом открывая глаза.

– Да, – ответил муж, – дочь хозяина взяла ее к себе в комнату. Нашей дочурке там хорошо... Мета, жизнь моя!

Несчастливая подняла на мужа страдальческий взгляд.

– Яско, я умираю!

– Мета, Мета, не уходи от меня! – воскликнул он вне себя. – Ты – единственный свет на моем темном пути! Как я буду жить, когда не будет охраняющих меня глаз и сердца, полного невыразимой любви? Как я буду жить без твоего волшебного голоса, без твоей небесной улыбки? Как мне жить с сознанием, что я увлек тебя за собой и сделал несчастной? Боже, Боже!

Он тихо заплакал.

– Я хочу искупить свою вину перед тобой, Мета. Я буду честно работать для тебя в поте лица, киркой и заступом. Мы тихо и мирно поселимся в каком-нибудь глухом уголке... Мета, останься со мной, мы начнем новую жизнь!

Страдальческая улыбка мелькнула на лице умирающей.

– Яско, успокойся, будь мужествен! – прошептала она. – Ты несправедлив к самому себе... Я не была несчастна... я была так любима, и эти годы любви и счастья стоят целой жизни... Я знала, что отдаю свою руку фокуснику, и спокойно ушла с тобой из родного дома, отрекшегося от меня из-за этой любви. Если мое счастье иногда и омрачалось, то в этом виновата я сама – я не рассчитала своих сил и малодушно страдала от твоего жалкого положения... Яско, – продолжала она еще тише, – забота о Фее мучит меня...

Она схватила его руку и привлекла ее к себе.

– Яско, – продолжала она умоляющим голосом, – расстанься с Феей – отдай ее простым, хорошим людям, дай ей вырасти среди спокойной, тихой семейной жизни. Обещай мне это, мой любимый!

Муж сквозь слезы поклялся в этом умирающей. Наступила ужасная ночь, долго длилась борьба жизни со смертью, но когда заря заглянула в окно, розовые лучи ее упали на прекрасную покойницу, на лице которой уже сгладились следы последних страданий.

На третий день к вечеру похоронили жену фокусника. Сострадательные сердца покрыли ее гроб цветами, и в числе многих провожавших покойницу был и Гельвиг... Когда первые комья земли упали на гроб, фокусник покачнулся, но Гельвиг, стоявший рядом, поддерживал его, отвез в гостиницу и несколько часов оставался с несчастным, отказывавшимся от всякого утешения и пытавшимся даже наложить на себя руки.

III

Наступил вечер. Резкий ноябрьский ветер мел улицы, первые снежные хлопья летели на крыши, на мостовые и на свежий могильный холм, под которым была погребена жена фокусника.

Госпожа Гельвиг сидела в столовой за маленьким столиком и вязала длинный шерстяной чулок. Это была высокая широкоплечая женщина, которой было лет за сорок. Может быть, лицо ее и было красиво когда-то, но очаровательной ее едва ли можно было назвать даже в молодости. Ее лицо казалось каменным, а серые глаза смотрели холодно. Строгий головной убор и черное платье простого фасона с белыми манжетами придавали госпоже Гельвиг вид пуританки.

Временами боковая дверь открывалась и в щели появлялось морщинистое лицо кухарки.

– Нет еще, Фридерика! – монотонно говорила каждый раз госпожа Гельвиг, не поднимая головы.

Наконец в сенях послышался звонок и раздался звонкий детский голосок: «Ах, какой славный звоночек!»

Госпожа Гельвиг положила вязанье в корзиночку и встала. Недоумение сменило на ее лице выражение нетерпения. Муж подошел к ней неуверенным шагом, неся на руках маленькую девочку лет четырех.

– Я принес тебе, Бригитта... – начал было он с просьбой в голосе, но замолк, встретив взгляд жены.

– Ну? – спросила та, не шевелясь.

– Я принес тебе бедную девочку...

– Чью? – сухо прервала она.

– Несчастливого фокусника, потерявшего жену таким ужасным образом... Милая Бригитта, прими девочку ласково!

– Разумеется, только на эту ночь?

– Нет... я поклялся отцу, что ребенок вырастет в моем доме.

Белое лицо госпожи Гельвиг покраснело.

– Боюсь, что у тебя тут не все в порядке, Гельвиг, – сказала она холодно, касаясь рукой своего лба. – Я стараюсь, чтобы мой дом был храмом Господним, а ты приносишь мне дочь комедианта... Это более чем глупо!

Гельвиг вздрогнул, и его всегда добродушные глаза блеснули.

– Я не пушу в мой дом это дитя греха, дитя пропащей женщины, так очевидно постигнутой карой Божией!

– Ты так думаешь, Бригитта? Так скажи, пожалуйста, за какие грехи был наказан твой брат, застреленный на охоте неосторожным стрелком?

Вся кровь отлила от лица госпожи Гельвиг. Она смолчала и удивленно посмотрела на мужа, проявившего вдруг такую энергию.

Между тем девчурка, которую Гельвиг поставил на пол, сняла свой розовый капор, прикрывавший прелестную головку, покрытую каштановыми локонами, и принялась бродить по комнате, разглядывая новую для нее обстановку. На ней было светло-голубое шерстяное платьице, украшенное вышивкой, – может быть, последней работой успокоившихся рук.

Но именно это нарядное платьице, свободно падающие на лобик и шейку локоны и грациозные движения ребенка возмутили суровую госпожу Гельвиг.

– Я бы и часу не потерпела около себя этой юлы, – сказала она вдруг. – Это маленькое существо с растрепанными волосами совсем не подходит к нашему строгому домашнему

строю. Взять ее – значило бы отворить окно и двери легкомыслию и распущенности! Ты, конечно, позаботишься, Гельвиг, чтобы девочка была доставлена куда следует...

Она позвала кухарку и приказала ей:

– Одень ребенка, Фридерика!

– Отправляйся сейчас же в кухню! – сердито приказал кухарке Гельвиг.

Фридерика ушла в смущении.

– Ты доводишь меня до крайности своей черствостью и жестокостью, Бригитта! – воскликнул раздраженный муж. – Благодарю себя и свои предрассудки, если я наговорю тебе теперь таких вещей, каких в ином случае никогда бы не сказал! Кому принадлежит дом, который ты хочешь обратить в храм Господень? Мне... Ты вошла в этот дом бедной сиротой, но потом это забыла, и чем больше ты старалась обратить дом в храм и чем больше говорила о Боге, о христианской любви и смирении, тем более гордой и жестокосердой ты становилась... Этот дом – мой дом, и за хлеб, который мы едим, плачу я. И вот я решительно объявляю, что ребенок останется тут... И если твое сердце слишком сухо и черство для того, чтобы почувствовать материнскую любовь к бедной сиротке, то я требую от моей жены, чтобы она, по крайней мере, позаботилась о ребенке как женщина... Если ты не желаешь потерять авторитет у прислуги, то теперь же сделай нужные распоряжения к приему ребенка, иначе эти приказания отдам я сам!

Ни одного слова не произнесли в ответ побелевшие губы госпожи Гельвиг. Другая женщина в такую минуту полного бессилия употребила бы последнее средство – слезы, но эти холодные глаза не знали слез. Она молча взяла связку ключей и вышла.

С глубоким вздохом взял Гельвиг малютку за руку и стал ходить с ней по комнате. Он вынес страшную борьбу, чтобы обеспечить родной дом этому покинутому созданию, он смертельно обидел свою жену и знал, что она никогда не простит ему горьких истин, которые он ей высказал.

IV

С улицы позвонили, и Генрих ввел в комнату мальчика лет семи.

– Добрый вечер, папа! – сказал мальчик.

Гельвиг нежно поцеловал сына в лоб.

– Добрый вечер, Натаниель. Посмотри-ка на эту маленькую девочку, ее зовут Феей.

– Глупости! Как могут ее звать Феей, когда такого имени нет?

– Так звала ее мама, – мягко сказал Гельвиг. – Настоящее ее имя – Фелисита... Это бедное маленькое созданище... Ее маму сегодня похоронили; она будет жить у нас, и ты будешь любить ее, как сестренку, не правда ли?

– Нет, папа, я не хочу сестренки!

И мальчик, живой портрет матери, злобно поглядел на девочку. Когда та приблизилась было к нему и с сияющим взглядом ухватила за игрушечную саблю, висевшую у его пояса, мальчик сердито оттолкнул ее и побежал к вошедшей матери.

– Не надо мне никакой сестры, – повторил он плаксиво. – Мама, прогони эту гадкую девочку, я хочу быть один у тебя и у папы!

Госпожа Гельвиг молча пожала плечами и стала около своего стула у накрытого стола.

– Молись, Натаниель! – приказала она. Мальчик сложил руки, как и мать, и прочел длинную предобеденную молитву. При настоящих обстоятельствах эта молитва была отвратительной профанацией прекрасного христианского обычая. Малютка ела с аппетитом. Конфеты, которые Гельвиг положил около ее тарелки, она спрятала себе в кармашек.

– Это для мамы, – сказала она доверчиво. – Она так любит конфеты, папа всегда приносит ей большие свертки.

– У тебя вовсе нет мамы! – враждебно крикнул Натаниель.

– Ну, этого-то ты не знаешь! – взволнованно возразила малютка. – У меня мама гораздо лучше, чем у тебя!

Гельвиг испуганно и робко посмотрел на жену.

– Ты позаботилась о постельке, Бригитта? – торопливо спросил он кротким, просящим голосом.

– Да.

– Где же она будет спать?

– У Фридерики.

– Разве в нашей спальне ей не нашлось бы места – хоть на первое время?

– Если ты захочешь вынести постель Натаниеля, то найдется.

Возмущенный Гельвиг отвернулся и позвал прислугу.

– Фридерика, – сказал он, – эта малютка будет ночью под твоим присмотром – будь добра и ласкова с нею. Это бедная сиротка, привыкшая к ласкам доброй матери.

– Я ничего дурного не сделаю ребенку, господин Гельвиг, но я дочь честных родителей, и мне за всю жизнь не приходилось иметь дела с комедиантами. Неизвестно ведь даже, были ли эти люди обвенчаны...

– Это уж слишком! – гневно воскликнул Гельвиг. – Сегодня мне приходится убедиться, что во всем моем доме нельзя найти ни сострадания, ни милосердия! И ты думаешь, Фридерика, что можешь быть безжалостна потому, что ты дочь честных родителей? Можешь успокоиться, эти люди жили в законном браке. Предупреждаю тебя, что буду очень строг, если только замечу, что ты обижаешь ребенка.

Он встал и отнес девочку в комнату кухарки. Она послушно дала себя уложить и скоро заснула, помолвившись за папу, маму, доброго дядю, который отнесет ее завтра к маме, и за «большую женщину со злым лицом».

Фридерика пришла спать поздно ночью. Она была раздражена тем, что ей пришлось долго работать, и сильно шумела в комнатке. Маленькая Фелисита проснулась, села в постельке, отбросила локоны со лба и стала испуганно озираться на закопченные стены и жалкую мебель узкой, слабо освещенной каморки.

– Мама, мама! – громко позвала она.

– Молчи, твоей матери тут нет. Спи! – ворчливо сказала раздевавшаяся кухарка.

Девчурка испуганно посмотрела на нее и тихонько заплакала.

– Ну, заревела... Только этого еще не хватало! Спи, комедиантское отродье! – и Фридерика угрожающе подняла руку. Малютка испуганно спрятала головку под одеяло.

– Ах, мама, милая мама, – шептала она, – где же ты? Возьми меня к себе в постель, я так боюсь... я буду послушной и сейчас же засну... Я для тебя что-то спрятала, я не все съела. Или дай мне хоть твою руку, тогда я останусь в своей постельке и...

– Замолчишь ли ты, наконец! – закричала Фридерика и яростно бросилась к постели ребенка.

Девочка не шевелилась больше, только время от времени из-под одеяла слышалось сдерживаемое всхлипывание.

Старая кухарка давно спала мирным сном, а бедный ребенок все еще горевал по своей исчезнувшей маме...

V

Гельви́г был купцом. Унаследовав значительное состояние, он еще более увеличил его участием в различных промышленных предприятиях. Но по болезни довольно рано должен был оставить деловой мир и жил в своем родном городке, где его имя пользовалось большим уважением. Прекрасный сад за городом и дом на площади давно уже принадлежали семье Гельви́г. В двух верхних этажах дома окна были постоянно завешены белыми шторами, исчезавшими только три раза в год – перед великими праздниками, когда все проветривалось и чистилось. Эти комнаты были необитаемы: в семье Гельви́гов не в обычае сдавать внаймы хотя бы часть дома.

Госпожа Гельви́г вступила в этот дом двенадцатилетним ребенком. Когда ее родители умерли, один вскоре после другого, и оставили детей без всяких средств, Гельви́ги, ее родственники, взяли девочку к себе. Молодой девушке было нелегко жить у старой тетки, женщины строгой и гордой. Гельви́г, единственный сын тетки, сначала жалел ее, а затем это чувство перешло в любовь. Его мать была против этого выбора, но после многих неприятностей влюбленный настоял на своем и женился. Он принял угрюмую молчаливость любимой девушки за девичью робость, холодность – за нравственную строгость, упрямство – за характер и, женившись, должен был совершенно разочароваться. Очень скоро этот добродушный человек почувствовал железную власть деспотической души и там, где он надеялся встретить благодарную преданность, нашел только грубый эгоизм.

У Гельви́гов было двое детей: Иоганн и маленький Натаниель, который был на восемь лет младше своего брата. Еще одиннадцатилетним ребенком Гельви́г отвез Иоганна к жившему на Рейне родственнику – директору мужского пансиона.

Таково было семейное положение Гельви́га, когда он взял в свой дом дочь фокусника. Ужасное происшествие, свидетелем которого он стал, глубоко потрясло его. Он не мог забыть умоляющего, страдальческого взгляда несчастной матери ребенка, когда она, униженная, стояла в его сенях и принимала от него талер. Его доброе сердце страдало от мысли, что, может быть, в его доме бедная женщина в последний раз почувствовала горечь своего положения. Потому-то, когда фокусник сказал ему о последней просьбе покойной, он сразу и предложил взять к себе девочку. Только выйдя с ребенком на улицу, Гельви́г подумал об ожидающем его дома противодействии; но он рассчитывал на миловидность ребенка и на то, что у них самих не было девочки – несмотря на горький опыт, он все еще не вполне понимал характер своей жены.

В доме все шло по-прежнему. Госпожа Гельви́г по несколько раз в день обходила все комнаты, смотря, нет ли где-нибудь пылинки или паутины. По-прежнему вместе молились и вместе обедали, а по воскресеньям супруги вместе ходили в церковь. Но злопамятная женщина с железным постоянством избегала разговоров с мужем. Она отклоняла все его попытки к сближению. Так же мало существовал для нее и новый маленький член семьи. В памятный бурный вечер она раз и навсегда приказала кухарке готовить лишнюю порцию и бросила в ее комнату несколько комплектов постельного белья. Маленький сундучок с имуществом Фелиситы был принесен из гостиницы, и Фридерика должна была отворить его при хозяйке и проверить маленькие платьица. Этим и ограничилась навязанная госпоже Гельви́г забота о дочери комедианта. Только еще один раз проявила она участие к девочке.

В то время как портниха шила Фелисите из темной материи два платьица такого же простого покроя, какой носила сама хозяйка дома, госпожа Гельви́г прижала девочку к своим коленям и до тех пор действовала щеткой, гребнем и помадой, пока ей не удалось заплести чудные локоны в две уродливые косички. Отвращение этой женщины ко всякой грации и

красоте пересилило ее упрямство и твердое решение совершенно игнорировать присутствие в доме ребенка.

Но было еще горячее сердце, у которого сиротка могла искать спасения от глаз госпожи Гельвиг – глаз Медузы, – сам Гельвиг любил девочку, как своих родных детей. Правда, у него не хватало мужества выразить это открыто – весь запас своей энергии он исчерпал в знаменательный вечер, но он постоянно заботился о Фелисите. Как и Натаниель, она имела уголок в комнате своего приемного отца; там никто не мешал ей ласкать своих кукол и убаюкивать их песнями, которым она выучилась еще у своей матери. Когда Фелисите минул шестой год, она так же, как Натаниель, стала брать уроки у учителей под наблюдением отца. Как только таял снег и на клумбах появлялись крокусы и подснежники, Гельвиг ежедневно отправлялся с детьми в свой загородный сад; там дети учились и играли, возвращаясь домой только к обеду.

Госпожа Гельвиг редко ходила в сад, который один из предков Гельвига устроил в старо-французском стиле. Из зелени выглядывали мифологические статуи и группы в натуральную величину. Эти светлые фигуры резко выделялись на темном фоне тисовых деревьев, и прелестные обнаженные формы Флоры и Прозерпины, как и мускулистая нагота похитителя последней, тотчас же привлекали внимание входившего в сад. Они приводили в ужас госпожу Гельвиг. Сначала она властно потребовала удаления этих «греховных изображений человеческого тела», но Гельвиг спас своих любимцев, показав завещание отца, категорически воспрещающее удаление статуй. Тогда госпожа Гельвиг поторопилась окружить фигуры целым лесом вьющихся растений. В один прекрасный день Генрих по приказу хозяина с восторгом вырвал всю эту зелень, и с тех пор госпожа Гельвиг избегала посещать сад, опасаясь погубить свою душу и не желая видеть статуи, этих насмешливо улыбающихся свидетелей ее поражения. Именно поэтому сад и стал любимым местом пребывания Фелиситы. За стеной тисов находился большой луг, окаймленный ореховыми деревьями и пересекаемый шумящим мельничным ручьем.

По берегам его росли густые кусты орешника, а маленькая плотина покрывалась весной полевыми цветами.

Фелисита училась неутомимо, но когда Гельвиг наконец заявлял, что ученье на сегодня окончено, она преображалась. Она могла без конца бегать по лугу, с быстротой молнии влезала на дерево, а через минуту лежала уже внизу у ручья; заложив руки под голову, она смотрела в зеленый мрак движущихся ореховых листьев и мечтала.

По небу проносились белые облачка фантастической формы – глядя на них, девочка вспоминала загадочное прошлое. Такое же белое и блестящее было платье у ее матери, спускавшееся с узкой постели и усыпанное цветами. Фелисита до сих пор удивлялась, что мать не дала ей ни одного из цветов, бывших у нее в руках; она раздумывала о том, почему ей не позволили тогда разбудить маму поцелуями, как она делала это каждое утро; она не знала, что лицо матери, всегда наклонявшееся к ней с такой нежностью, давно тлело в земле. Гельвиг не решался сказать ей правду. Хотя она, по прошествии пяти лет, уже не плакала так горько и не просила с таким жаром отвести ее к родителям, но всегда говорила о них с трогательной нежностью и несокрушимо верила в двусмысленное обещание приемного отца, что когда-нибудь она увидит их. О профессии своего отца она тоже ничего не знала: он сам не хотел этого, и Гельвиг строго следил за тем, чтобы никто в доме не говорил с Фелиситой о прошлом. Но он не подумал о том, что давно сторожившая его смерть отдернет эту завесу. Он давно был неизлечимо болен, но, как и все легочные больные, надеялся на долгую жизнь. Его уже возили в кресле в его любимый сад, но он приписывал это временной слабости и строил планы обширных построек и путешествий. Однажды вечером доктор Бём вошел в комнату Гельвига. Больной сидел за письменным столом и усердно писал, поддерживаемый со всех сторон подушками.

– Что за выдумки? – воскликнул доктор, грозя палкой. – Черт возьми, кто позволил тебе писать? Изволь сейчас же положить перо!

Гельвиг повернулся к нему с веселой улыбкой.

– Вот тебе и еще пример, – сказал он насмешливо. – Я всегда говорю, что между доктором и смертью есть связь... Я пишу Иоганну о маленькой Фее и меньше всего думаю теперь о смерти, но вдруг, в то время как тыходишь в дом, у меня вышла из-под пера такая фраза...

Доктор наклонился и прочел вслух: «Я высокого мнения о твоём характере, Иоганн, и потому, безусловно, поручил бы тебе заботы о вверенном мне ребенке, если бы я умер раньше, чем...»

– Баста, сегодня больше ни слова! – сказал врач, выдвигая ящик письменного стола и убирая туда неоконченное письмо. Затем он прослушал пульс больного и украдкой взглянул на два красных пятна, горевших на его резко выступающих скулах.

– Ты точно ребенок, Гельвиг! – проворчал Бём. – Стоит мне отвернуться, как ты сейчас же наделаешь глупостей.

– Ты возмутительно мучаешь меня... Вот подожди, в мае я удеру от тебя, и тогда можешь бежать за мной хоть в Швейцарию.

На следующий день окна комнаты больного в доме Гельвигов были открыты настежь. Сильный запах мускуса вырывался на улицу, и по городу ходил человек в траурном платье, извещая по поручению вдовы городские власти о том, что господин Гельвиг скончался час назад.

VI

У завешенного зеленой занавеской окна, выходявшего в холл, стоял гроб с останками Гельвига, окруженными в последний раз всем блеском богатства. Массивные серебряные ручки блестели по бокам гроба, голова покойного лежала на белой атласной подушке. Рядом с ввалившимися щеками покойного благоухали только что срезанные цветы.

Фелисита сидела в темном уголке за кадками с олеандрами и померанцевыми деревьями. Два дня она не видела своего приемного отца, и комната покойного была заперта, а теперь она стояла на коленях на холодном каменном полу и непрерывно смотрела в это чужое лицо, с которого смерть стерла выражение безграничного добродушия. Девочка присутствовала при последних минутах Гельвига, но не поняла, что с волной крови, хлынувшей у него из горла, все должно было кончиться. Он посмотрел на нее с непередаваемым выражением, когда ее выслали из комнаты. Озабоченная и взволнованная, ходила она по улице мимо открытых настежь окон комнаты больного: она знала, как остерегался он каждого дуновения ветерка, а теперь его так не берегли! Она удивилась, что вечером не затопили камина, и попросила позволения снести больному лампу и чай. Фридерика сердито крикнула ей: «Да ты что, не в своем уме или не понимаешь по-немецки? Он умер, умер!» Теперь Фелисита снова увидела его изменившимся до неузнаваемости и начала понимать, что такое смерть.

Как только холл наполнялся новым потоком любопытных, Фридерика являлась из кухни, вытирала глаза уголком передника и восхваляла добродетели покойного.

Холл постепенно опустел. Вдруг маленькая Фелисита испуганно уставилась на стеклянную дверь, которая вела во двор. На пороге появилась старая маленькая дама, поразительно похожая на Гельвига. На ней было старомодное черное платье из тяжелой шелковой материи, без всяких складок, из-под которого выглядывали крошечные ножки. Надо лбом вились аккуратно уложенные белоснежные локоны, на них накинута черная кружевная косынка, завязанная под подбородком.

Старушка не заметила ребенка, смотревшего на нее затаив дыхание, и подошла к гробу. Увидев лицо покойного, она невольно отшатнулась, и левая рука ее уронила на грудь покойного букетик прелестных цветов. На мгновение она закрыла лицо платком, а затем торжественно положила правую руку на холодный лоб мертвеца.

– Знаешь ли ты теперь, как все это случилось, Фриц? – прошептала она. – Да, ты теперь знаешь это, как твои отец и мать!.. Я тебя простила, Фриц, ты ведь не знал, что поступал несправедливо! Покойся мирным сном!

Она хотела так же тихо удалиться, как и пришла, но в это время дверь из столовой отворилась и появилась госпожа Гельвиг. Она держала в руках грубый венок из георгин, очевидно собираясь возложить его на гроб как последний «дар любви».

Взгляды женщин встретились, и обе остановились. В глазах вдовы вспыхнул зловещий огонек, и лицо ее исказилось от злобы. Черты лица старушки также выдали глубокое волнение, казалось, она боролась с невыразимым отвращением и, победив это чувство, кротко взглянула на покойного и протянула руку госпоже Гельвиг.

– Что вам здесь нужно, тетя? – сухо спросила вдова, игнорируя движение старушки.

– Благословить его, – последовал кроткий ответ.

– Благословение неверующей не имеет силы.

– Для вечной мудрости и любви Божией жалкая форма не имеет значения – Бог слышит благословение, если оно исходит от чистого сердца.

– И от души, отягченной преступлением! – окончила госпожа Гельвиг с язвительной насмешкой.

Старушка выпрямилась.

– Не судите, – начала было она и подняла торжественно руку. – Нет... ни одно слово не нарушит больше твоего покоя... Прощай, Фриц!

Она медленно вышла во двор и исчезла за дверью, которую Фелисита всегда находила запертой.

– Дерзкая старая дева! – прошипела Фридерика, наблюдавшая это столкновение через кухонную дверь. Госпожа Гельвиг молча пожала плечами и положила венок к ногам покойника. Она еще не овладела собой: кто видел хоть раз нехорошую улыбку, опускавшую в такие минуты углы ее рта, тот не доверял больше спокойствию этого лица. Она нагнулась над покойником, очевидно желая что-то поправить, и как будто ненароком задела букет старой дамы. Он скатился с гроба и упал к ногам Фелиситы.

Где-то пробило три часа. Несколько духовных лиц в облачении вышли в холл, из комнат появилось несколько знакомых покойного, а за ними Натаниель с высоким худошавым юношей. Вдова телеграфировала Иоганну о смерти отца, и он приехал утром, чтобы присутствовать при погребении. Маленькая Фелисита забыла на минуту свое горе и стала с любопытством разглядывать этого любимца отца. При взгляде на умершего он закрыл глаза худой холеной рукой, но не пролил ни одной слезы, и глаз ребенка не мог заметить на этом серьезном лице никакого выражения горя, кроме необычайной бледности.

Натаниель стоял рядом с ним. Он много плакал, но горе не мешало ему толкнуть брата и что-то прошептать ему, когда он заметил Фелиситу в ее уголке. В первый раз эти глаза остановились на лице ребенка – то были холодные глаза, в которых не было ни доброжелательства, ни внутренней теплоты.

– Уйди, дитя, ты тут мешаешь, – приказал он строго, видя, что собираются закрыть гроб. Сконфуженная и испуганная Фелисита покинула свой угол и, никем не замеченная, проскользнула в комнату приемного отца.

Она горько заплакала... Ему она никогда не мешала! Она чувствовала его горячую руку на своей голове и слышала его добрый, слабый голос, хрипло шептавший, как в последние дни: «Иди сюда, Фея, дитя мое, я так люблю, когда ты около меня»...

Но что это за стук? Он так странно раздавался там, где люди едва осмеливались говорить шепотом. Фелисита тихонько подняла зеленую занавеску и выглянула в холл. О ужас! Черная крышка закрывала милое лицо, и какой-то человек колотил по ней, чтобы удостовериться, крепко ли она прибита и не может ли сбросить ее рука заключенного в узком ящике, где так темно и так страшно лежать одному... Ребенок громко вскрикнул от ужаса.

Все удивленно взглянули на окно, но Фелисита заметила только большие серые глаза, строго посмотревшие на нее. Она отошла от окна и спряталась за большую темную драпировку, разделявшую комнату на две половины. Она села на пол и со страхом смотрела на дверь, ожидая, что сейчас войдет Иоганн и с бранью выведет ее.

Она не видела, как люди подняли гроб на плечи и как ее приемный отец навсегда покинул свой дом, не видела длинного черного шествия, провожавшего покойника. На углу порыв ветра высоко поднял белые атласные ленты, свисавшие с гроба. Был ли это последний привет усопшего покинутому ребенку, которого нежная забота матери освободила из болота отцовской профессии, чтобы нечаянно бросить на пустынный, негостеприимный берег?

VII

Голоса в холле замолкли, и наступила тишина. Фелисита слышала, как заперли входную дверь, но не знала, что этим закончилась драма, и не смела выйти из своего уголка. Мысли с лихорадочной быстротой проносились в ее головке. Девочка думала о маленькой старушке, букет которой лежал на каменном полу и был, вероятно, растоптан. Так вот какова «старая дева», одиноко живущая под крышей заднего дома, из-за которой постоянно ссорились Генрих и Фридерика! Кухарка уверяла, что старая дева была причиной смерти своего отца. Эти рассказы всегда внушали маленькой Фелисите страх, но теперь он прошел. Маленькая старушка с добрым лицом и кроткими глазами, полными слез, не могла быть отцеубийцей. Конечно, Генрих был прав, когда, качая своей большой головой, глубокомысленно утверждал, что тут есть что-то неладное.

Прежде старая дева тоже жила в переднем доме, но ее никак нельзя было убедить не играть в воскресенье светских песен и веселых мотивов, – рассказывала кухарка, всякий раз возмущаясь. Госпожа Гельвиг тщетно грозила ей небом и адом, пока это не стало для всех невыносимым, и Гельвиг уступил жене, а старой деве пришлось поселиться под крышей. Должно быть, Гельвиг был очень сердит на старую деву, так как никогда не говорил о ней, а между тем она была сестрой его отца и сам он был так похож на нее. При мысли об этом сходстве Фелисите страстно захотелось подняться к старой деве, но она со страхом подумала о мрачном Иоганне, да и старая дева жила всегда взаперти.

В конце длинного коридора, у самой лестницы, ведущей на нижние этажи, была дверь. Натаниель сказал как-то Фелисите: «Вот где она живет!» – и закричал, стуча кулаками в дверь: «Слезай, старая ведьма», а сам бросился бежать вниз по лестнице. Как забило от страха сердечко маленькой Фелиситы! Она ни минуты не сомневалась в том, что из дверей выскочит ужасная женщина с большим ножом в руке и схватит ее за волосы.

Начинало смеркаться. Дверь из комнаты в холл отворилась, и послышались твердые шаги. Фелисита боязливо спряталась за занавеску: к комнате ее приемного отца подходила госпожа Гельвиг. При жизни его она никогда не переступала порога этой комнаты. Она вошла очень быстро и заперла дверь. С торжеством оглядывала эта женщина комнату, которой она так давно избегала.

Над письменным столом Гельвига висели два прекрасных, писанных маслом портрета, мужской и женский. На последнем было изображено гордое лицо с умными и жизнерадостными глазами. Короткий лиф из белого шелка с красным, затканым золотом кушаком едва прикрывал пышную грудь и плечи. Это была мать Гельвига.

Перед этим портретом и остановилась вдова. Потом она встала на стул, сняла портрет и вынесла его из комнаты. Фелисита напряженно прислушивалась к ее шагам – она поднималась по лестнице все выше и выше, вероятно на самый чердак.

В дверях появилось испуганное лицо Генриха.

– Так и есть, Фридерика! – сказал он, обернувшись. – Это был портрет покойной матери господина Гельвига!

Старая кухарка заглянула в комнату.

– Ах ты, Боже мой, правда! – воскликнула она, всплеснув руками. – Если бы узнала про это гордая покойница – в гробу перевернулась бы, а покойный барин-то!.. Положим, она была ужасно одета, совсем голая грудь – всякому христианину стыдно и взглянуть!

– Ты думаешь? – спросил Генрих, хитро подмигивая. – Но, во-первых, наша хозяйка не может простить свекрови, что та не хотела допустить брака своего сына с этой госпожой. Во-вторых, покойница была веселая женщина, охотно принимавшая участие в развлечениях

и очень любившая танцы, а в-третьих, она назвала как-то нашу хозяйку «бессердечной ханжой»... Понимаешь?

Во время этого разговора Фелисита вышла из своего убежища. Она инстинктивно чувствовала, что отныне этот грубый, но добродушный старый слуга будет ее единственной поддержкой в доме. Он ее очень любил, и главным образом благодаря его заботливому надзору ребенок оставался до сих пор в счастливом неведении своего прошлого.

– Вот ты где, Феечка! – сказал он ласково и взял ее ручонку в свою мозолистую руку. – А я-то везде искал тебя... Пойдем в людскую, тебя уж не будут сюда больше пускать, бедняжка!.. Если старые портреты удаляют, то...

Он вздохнул и запер дверь. Фелисита робко оглянулась в холле – он был пуст, там, где стоял гроб, лежали растоптанные цветы и листья.

– Где дядя? – спросила она шепотом.

– Его унесли. Но ты ведь знаешь, детка, он теперь на небе – там ему хорошо, лучше, чем на земле, – грустно ответил Генрих и ушел в город – исполнять данное ему поручение.

В людской было темно. Со времени ухода Генриха Фелисита смотрела, не отрываясь, на клочок темного неба, видневшийся над высокими крышами узкого переулка. Там должен был быть теперь дядя. Она испуганно вздрогнула, когда вошла с лампой Фридерика и поставила на стол тарелку с бутербродом.

– Иди, дитя, и кушай – вот твой ужин! – сказала она.

Девочка подошла, но не прикоснулась к еде. Она взяла свою аспидную доску и принялась писать. Вдруг в кухне раздались быстрые шаги и в двери появилась белокурая голова Натаниеля. Фелисита вздрогнула, потому что он всегда обижал ее.

– Вот где сидит наша Фея, – сказал он. – Слушай, дрянная девчонка, где ты пропадала все время?

– В зеленой комнате, – ответила девочка.

– Попробуй только войти туда еще раз! – сказал он угрожающе. – Там тебе не место, сказала мама... Что ты пишешь?

– Урок, заданный господином Рихтером.

– Господином Рихтером? – повторил Натаниель и быстрым движением стер все написанное. – Так ты воображаешь, что мама будет платить за твои уроки? Она сказала, что все это кончено... Ты можешь вернуться туда, откуда пришла, а потом ты станешь тем, чем была твоя мать, и с тобой сделают то же, что и с ней! – он сделал жест, будто стреляет.

Девочка смотрела на него широко раскрытыми глазами. Он говорил о ее мамочке, чего никогда еще не случалось, и то, что он сказал, было так непонятно.

– Ты совсем не знаешь моей мамы! – сказала она полувопросительно.

– Гораздо больше, чем ты! – возразил мальчик и добавил после паузы с коварным взглядом исподлобья: – Ты ведь даже не знаешь, кто были твои родители?

Девочка покачала головкой, испуганно и умоляюще посмотрела на Натаниеля – она слишком хорошо знала его, чтобы не понимать, что сейчас он огорчит ее.

– Они были комедианты! – крикнул мальчик. – Знаешь, такие же, каких мы видели на ярмарке, – они кувыркаются, делают фокусы, а потом ходят кругом с тарелкой и просят милостыни!

Аспидная доска полетела на пол и разбилась вдребезги. Фелисита вскочила и, как безумная, бросилась мимо озадаченного мальчика в кухню.

– Он ведь лжет, он лжет, Фридерика? – спрашивала она, хватая кухарку за руку.

– Он преувеличивает, – ответила Фридерика, взволнованный вид ребенка тронул даже ее черствое сердце. – Милостыни они не просили, но комедиантами они были, это верно...

– И делали очень нехорошие фокусы! – закончил Натаниель, подходя к плите и заглядывая Фелисите в лицо – она ведь еще не плакала. – Твоя мать никогда не попадет на небо!

– Да она и не умерла еще! – воскликнула Фелисита. Ее бледные губки лихорадочно дрожали, а рука судорожно сжимала платье кухарки.

– Ну, конечно, давно умерла... Покойный папа только не говорил тебе этого... Солдаты застрелили ее в зале ратуши во время неудачного фокуса.

Измученный ребенок вскрикнул. Фридерика подтвердила последние слова Натаниеля, кивнув головой, – значит, он не солгал.

В это время вернулся Генрих. Натаниель мгновенно исчез, как только на пороге появилась широкоплечая фигура дворника... У кухарки тоже заговорила совесть, и она усердно занялась чем-то около плиты.

Фелисита не кричала больше. Она оперлась руками о стену, прижалась к ним лбом и горько всхлипывала.

Генрих слышал пронзительный крик ребенка, видел, как Натаниель исчез за дверью, и сразу понял, что произошло что-то нехорошее. Не говоря ни слова, он повернул к себе девочку и заглянул в ее личико. Увидев Генриха, ребенок снова громко заплакал: «Они застрелили мою бедную мамочку, мою милую, добрую маму!»

Широкое добродушное лицо Генриха побледнело от гнева, он пробормотал какое-то бранное слово.

– Кто же тебе сказал это? – спросил он, угрожающе посмотрев на Фридерiku.

Ребенок молчал, а кухарка принялась рассказывать о происшедшем, стараясь не смотреть на Генриха.

– Я тоже думаю, что Натаниелю не следовало говорить ей об этом сегодня, – произнесла она наконец. – Но все равно завтра или послезавтра барыня с ней поговорит, и безо всякой осторожности – в этом мы можем быть уверены.

Генрих отвел Фелиситу в людскую, сел рядом с ней на скамейку и постарался успокоить ее. Он осторожно рассказал ей о страшном происшествии в зале ратуши и утешил девочку тем, что, конечно, ее мама, о которой и тогда уже говорили, что она похожа на ангела, теперь на небе и каждую минуту может видеть свою маленькую Фею. Потом он нежно погладил по головке девочку, снова принявшуюся судорожно рыдать.

VIII

На следующее утро над городом раздавался торжественный колокольный звон. По узкой крутой улице богомольцы шли к стоящей на горе францисканской церкви. Из красивого углового дома на площади вышло маленькое существо, закутанное в черное. Никто бы не узнал под этим большим платком тонкой, грациозной фигурки маленькой Фелиситы. Фридерика накинула девочке на плечи этот платок и сказала, что госпожа Гельви́г дарит ей платок по случаю траура. Затем она отворила двери и строго приказала выходящей Фелисите не садиться, как прежде, на церковную скамью семьи Гельви́г, что ее место теперь на скамьях для школьников.

Девочка взяла молитвенник и быстро обошла угол. Но тут она замедлила шаг, увидев впереди госпожу Гельви́г с сыновьями. Все прохожие низко и почтительно кланялись ей. Правда, у нее почти ни для кого не находилось доброго взгляда и она часто бессердечно обращалась с теми, кто искал помощи, а ее младший сын бил нищих детей, осмеливавшихся войти в дом, и топал на них ногами, постоянно лгал и клялся, что сказал правду, – но все это ничего не значило. Вот они идут в церковь, сядут там на отдельную от остальных прихожан скамейку и будут молиться Богу, который их любит, и, конечно, попадут к Нему на небо, потому что они ведь не комедианты...

Гельви́ги исчезли в церковной двери. Фелисита проводила их боязливым взглядом и проскользнула мимо открытых дверей, из которых доносились звуки органа. Сегодня она не могла молиться Богу: Он ведь не хотел ничего знать о ее бедной мамочке, Он не хотел взять ее на свое обширное голубое небо – она лежала одиноко на кладбище, и ее необходимо навестить.

Фелисита вышла из города и пошла по густым липовым аллеям, представлявшим такой удивительный контраст со старыми, потемневшими городскими стенами. Как тут было тихо! Девочка пугалась звука собственных шагов – она ведь шла по запрещенному пути. Она бежала все быстрее и остановилась наконец, глубоко переводя дыхание, перед кладбищенскими воротами.

Фелисита никогда еще не была в этом тихом месте. Два больших куста бузины протягивали рядом с черной железной решеткой ворот свои ветки, отягченные гроздьями блестящих ягод, а в стороне виднелись серые мрачные стены старой церкви.

– Кого это ты хочешь навестить, девочка? – спросил человек, прислонясь к двери покойницей, курил трубку.

– Мою маму, – ответила торопливо Фелисита.

– Она уж здесь разве? А кто она была?

– Жена фокусника.

– Ах, это погибшая лет пять тому назад в ратуше?... Она лежит вон там, около угла церкви.

Маленькая покинутая девочка стояла у могильной насыпи, покрывавшей ту, о которой она всегда мечтала. Кругом были украшенные могилы, на большинстве из них пестрели разноцветные астры. Только узкая полоса у ног ребенка поросла сухой, выгоревшей травой и пышно разросшимся пыреем, а неосторожные люди протоптали через нее тропинку. Земля осела, а вместе с ней осел и простой белый камень в ногах запущенной могилы, на котором большими черными буквами было написано: «Мета Орловская». У этого камня и села Фелисита. Тяжелая земля покрывала нежное лицо, милую фигуру в светлом атласном платье, цветы в белоснежных окоченевших руках...

– Милая мама, – шептала она, – ты не можешь меня видеть, а я тут, у тебя! И хотя Бог не хочет тебя знать – Он тебе не подарил ни одного цветочка, и ни один человек не заботится

о тебе, – я тебя люблю и всегда буду приходить к тебе! Я хочу любить только тебя одну, даже Бога не хочу любить, потому что Он так строг и не добр к тебе!

Это была первая молитва ребенка на могиле умершей матери. Подул легкий ветерок, и астры закивали головками грустному ребенку, а в сухой траве раздался тихий шепот.

Фелисита не знала, сколько времени просидела в задумчивости на кладбище. Когда она вернулась домой, входная дверь не была еще заперта. Она проскользнула в холл, но тотчас же испуганно остановилась, так как дверь в комнату дяди была широко открыта и оттуда доносился голос Иоганна.

Страх перед этим жестким голосом и неумолимыми серыми глазами приковал ее маленькие ножки к полу – она никак не могла пройти мимо двери.

– Ты совершенно права, мама, – говорил Иоганн, – лучше всего было бы пристроить это маленькое несносное существо в какую-нибудь порядочную семью ремесленника. Но папа говорит в этом неоконченном письме, что он ни за что не отпустит ребенка из своего дома и поручает мне заботы о нем. Я не хочу критиковать образ действий моего отца, но если бы он знал, как невыразимо противен мне тот класс людей, из которого происходит ребенок, он избавил бы меня от этого опекуинства.

– Ты не знаешь, чего ты от меня требуешь, Иоганн! – с досадой возразила вдова. – В продолжение пяти долгих лет я была вынуждена молча терпеть около себя это покинутое Богом создание – я не могу больше!

– Тогда нам не остается другого выхода, как искать отца ребенка при помощи объявлений.

– Много толку выйдет из этого! – с саркастическим смехом заметила госпожа Гельвиг. – Он благодарит Бога, что отделался от лишнего рта! Доктор Бём сказал мне, что, насколько ему известно, этот человек писал только один раз, и то давно. Неужели ты захочешь, чтобы мы продолжали еще столько лет платить за это совершенно чужое нам существо? Она берет уроки французского языка, рисования...

– Нет, это мне и в голову не приходит! – живо прервал ее Иоганн. – Современное женское воспитание приводит меня в ужас... Таких женщин, как ты, женственных, настоящих христианок, никогда не переступающих поставленных им границ, скоро придется искать... Приучи девочку к домашним работам и заставь ее подчиняться. Я совершенно полагаюсь на тебя в этом деле. С твоей сильной волей...

В это время дверь отворилась еще шире и из комнаты выскочил Натаниель, вероятно заскучавший во время этого разговора. Фелисита прижалась к стене, но он увидел ее и бросился к ней, как хищная птица.

– Не прячься, это не поможет! – сказал он и так сильно сжал ей руку, что она вскрикнула. – Ты пойдешь сейчас к маме и расскажешь ей содержание проповеди! Что, не можешь? Ты не была на скамьях для школьников, я нарочно смотрел... А какой у тебя вид! Мама, посмотри-ка на это платье!

Он потащил упиравшуюся девочку к двери.

– Войди, дитя! – приказал Иоганн, стоявший посреди комнаты и еще державший в руках письмо отца.

Фелисита нерешительно переступила порог. На изысканном черном костюме стоявшего перед ней юноши не было ни пылинки, сорочка сияла ослепительной свежестью. Он постоянно приглаживал рукой волосы, и без того лежавшие очень аккуратно.

– Где ты так запачкалась? – спросил он, с отвращением показывая на платье девочки.

Фелисита робко взглянула вниз – действительно, платье ее было сильно запачкано. Став на колени у могилы, она не обратила внимания на росу и не подумала о том, что на черном платье останутся заметные следы... Она стояла молча, с опущенными глазами.

– Что же, ответа нет? По твоему лицу видно, что у тебя совесть нечиста – ты не была в церкви?

– Нет, – откровенно сказала девочка.

– Где же ты была?

Она молчала. Она охотнее дала бы убить себя, чем произнесла имя матери перед этими людьми.

– Я тебе скажу это, Иоганн, – ответил за девочку Натаниель. – Она была в нашем саду и ела там фрукты, она всегда так делает.

Фелисита бросила на него сверкающий взгляд, но ничего не сказала.

– Отвечай! – приказал Иоганн. – Натаниель прав?

– Нет, он солгал, он всегда лжет! – твердо ответила девочка.

Разъяренный Натаниель хотел броситься на свою обвинительницу, но Иоганн спокойно остановил его.

– Не тронь ее, Натаниель! – сказала, поднимаясь, госпожа Гельвиг, сидевшая до сих пор молча у окна.

– Ты мне поверишь, конечно, Иоганн, – обратилась она к сыну, – если я тебе скажу, что Натаниель никогда не говорит неправды. Он благочестив и воспитан в страхе Божиим; достаточно сказать, что я охраняла его и им руководила... Недоставало только еще, чтобы эта негодная девчонка стала между братьями, как она стала между родителями... Разве это не непростительно, что она слонялась где-то, вместо того чтобы идти в церковь? Где бы она ни была, мне все равно.

Ее глаза холодно скользнули по маленькой фигурке.

– Где новый платок, который ты получила сегодня утром? – внезапно спросила она.

Фелисита испуганно схватилась руками за плечи. Платок исчез, он, наверное, лежал на кладбище! Она была пристыжена; ее опущенные глаза наполнились слезами, и просьба о прощении готова была сорваться с ее языка.

– Что ты скажешь на это, Иоганн? – резко спросила госпожа Гельвиг. – Я подарила ей платок несколько часов тому назад, а он уже потерян... Я хотела бы знать, сколько стоил в год ее гардероб твоему отцу?... Откажись от нее. Все твои труды пропадут даром – ты никогда не будешь в состоянии искоренить того, что унаследовано ею от легкомысленной и дурной матери!

Фелисита вспыхнула. Ее темные глаза, еще наполненные слезами раскаяния, сверкнули. Робость перед этой женщиной, пять лет тяготевшая на маленьком сердечке и замыкавшая девочке уста, теперь исчезла. Она была вне себя.

– Не говорите так о моей бедной мамочке, я не потерплю этого! – крикнула она звенящим голосом. – Она не сделала вам ничего дурного!.. Дядя всегда говорил, что мы не должны говорить дурно о мертвых, так как они не могут защищаться, а вы это делаете... Это очень нехорошо...

– Видишь маленькую фурию, Иоганн? – насмешливо спросила госпожа Гельвиг. – Вот результат либерального воспитания твоего отца! Нечего сказать, хорошо это «очаровательное создание», как он называет девочку в письме...

– Она права, защищая свою мать, – сказал серьезно Иоганн, – но она дерзка. Как ты смеешь таким неприличным образом разговаривать с этой дамой? – обратился он к Фелисите. – Разве ты не знаешь, что должна будешь умереть от голода, если она не даст тебе хлеба, а мостовая будет служить тебе подушкой, если она выгонит тебя из дому?

– Я не хочу ее хлеба, – ответил ребенок. – Она злая, злая женщина – у нее такие ужасные глаза... Я не хочу оставаться в вашем доме, где лгут и где целый день боишься дурного обращения, – я охотнее лягу сейчас под темную землю к моей маме, я охотнее умру от голода...

Она не могла продолжать: Иоганн схватил ее за руку, и его худые пальцы впились в тело, как железные клещи. Он несколько раз встряхнул ребенка.

– Приди в себя, опомнись, отвратительный ребенок! – воскликнул он. – Стыдись, ты девочка – и так необузданна! При непростительной склонности к легкомыслию и беспорядочности у тебя есть еще и вспыльчивость! Я вижу, что тут сделано много промахов, – обратился он к своей матери, – но при твоём воспитании, мама, все это изменится.

Он не выпустил руки ребенка и грубо повел ее в людскую.

– Отныне я буду распоряжаться тобой – запомни это! – сказал он сурово. – Хотя я и буду далеко, но я сумею примерно наказать тебя, если только узнаю, что ты не слушаешься моей матери во всем беспрекословно... За твоё сегодняшнее поведение ты просидишь некоторое время дома, тем более что ты не умеешь пользоваться свободой. Не смей больше ходить в сад без особого разрешения моей матери, а также выходить на улицу; ты будешь ходить только в городское училище. Ты будешь есть и проводить весь день здесь в людской, пока не научишься лучше вести себя. Поняла?

Девочка молча отвернулась, и он вышел из комнаты.

IX

После обеда вся семья пила кофе в саду. Фридерика оделась по-праздничному и отправилась сначала в церковь, а затем в гости к куме. Фелисита и Генрих остались одни в большом доме. Генрих давно уже тайком сходил на кладбище и принес злосчастный платок.

Он слышал и отчасти видел утреннюю сцену и боролся с желанием выскочить и так же встряхнуть Иоганна, как тот встряхнул Фелиситу. Теперь он сидел в людской и украдкой поглядывал на молчавшую девочку. Личико ее совершенно изменилось. Она сидела, как пойманная птичка, с ненавистью думающая о руках, связавших ее... У нее на коленях лежал «Робинзон», которого Генрих принес ей на свой страх с книжной полки Натаниеля, но она не читала. Одинокому было хорошо на его острове, там не было злых людей, которые называли бы его мать легкомысленной и дурной женщиной; сияющее солнце играло там на вершинах пальм и на зеленых волнах луговой травы – сюда же через окна с решетками проникал лишь слабый свет, и ни один зеленый листик не радовал взора ни в узком переулке, ни в самом доме. Правда, в комнате был ласточник – единственный цветок, который признавала госпожа Гельвиг, но Фелисита не выносила этих правильных, точно сделанных из фарфора цветков, этих неподвижных твердых листьев, не шевелившихся даже на сквозняке.

Девочка вдруг вскочила. Там, с чердака, открывался, наверное, прекрасный вид, там было солнце и свежий воздух... Как тень скользнула она вверх по каменной лестнице.

Старый купеческий дом был в некотором роде разжалован. В прежние времена он был дворянским гнездом. В его облике было еще что-то честолюбивое, но голубая кровь, заставлявшая биться сердца прежних благородных обитателей дома, давно иссякла.

Передний фасад дома, выходящий на площадь, несколько изменил свой вид, но задние строения, три больших флигеля, остались нетронутыми. Там были еще длинные гулкие коридоры с покосившимися стенами и вытоптанном каменным полом, в которых даже в полдень стояли сумерки. В конце коридоров неожиданно появлялись лестницы, скрипевшие при каждом шаге и приводившие к какой-нибудь таинственной двери, запертой на несколько запоров. Существовали еще глухие, как будто бесполезные уголки с одним окном, через круглые стекла которого, оправленные в свинцовый переплет, на кирпичный пол падал тусклый свет. Везде, где только можно было, красовался герб строителя дома, рыцаря фон Гиршпрунга. На каменных оконных и дверных наличниках, даже на некоторых плитах пола был изображен величественный олень, готовящийся прыгнуть через пропасть. На дверных косяках одного из парадных залов в переднем доме были изображены строитель и его супруга – вытянутые фигуры в берете и чепце.

Фелисита с удивлением смотрела в полуоткрытую дверь, которую она до сих пор всегда находила запертой... Как сильно должно было поглотить чувство мести аккуратную хозяйку, если она забыла о замках и запорах! За дверью был коридор, в который выходили другие двери. Одна из них была открыта, и за ней виднелась кладовая, наполненная старым хламом. В углу к креслу в стиле рококо был прислонен портрет покойной матери Гельвига. Девочке стало жутко от взгляда этих больших, выпуклых глаз, и она отвернулась, но в ту же минуту ее сердечко дрогнуло: сундучок, обтянутый тюленьей кожей, который стоял на полу, был так хорошо знаком маленькой Фелисите! Робко открыла она крышку – наверху лежало голубое шерстяное платье. Когда-то вечером Фридерика сняла с нее это платье, и затем оно исчезло, а Фелисита должна была надеть отвратительное темное платье.

Чего только не было в этом сундучке, и какая буря поднялась в душе ребенка при виде знакомых предметов! Они были так нарядны, как будто предназначались для маленькой принцессы, и кроме того – их держала в руках покойница-мать.

С мучительной остротой вспомнила Фелисита то приятное чувство, которое она испытывала, когда мама одевала ее, прикасаясь к ней своими нежными, мягкими руками... Вот и кошечка, вышитая на маленькой сумочке, составлявшей когда-то гордость ребенка. В сумочке было что-то, но не игрушка, как подумала сначала девочка, а хорошенькая агатовая печатка, на серебряной пластинке которой был вырезан тот же величественный олень, который был изображен везде в доме Гельвига. Под гербом было написано: «М.ф.Г.». Эта печать, наверное, принадлежала маме, и девочка взяла ее.

Воспоминания нахлынули на Фелиситу, и многое становилось ей ясным. Она понимала теперь те минуты, когда, проснувшись, видела у своей кровати отца в куртке, украшенной золотыми блестками, и мать с распущенными белокурыми волосами. Они вернулись с представления, во время которого всякий раз стреляли в бедную маму, а она, ничего не подозревая, смотрела на смертельно бледное лицо матери, стремительно и страстно прижимавшей ее к сердцу...

Одну за другой гладила и ласкала девочка эти вещи и заботливо клала их назад в сундучок, а когда крышка снова закрылась, ребенок обнял руками маленький старый ящик и положил на него свою головку – они были старыми друзьями и были одиноки в этом мире, где для дочери фокусника не было ни пяди родной земли... Через окно проникла струя теплого воздуха и принесла с собой удивительное благоухание... Откуда мог взяться этот аромат? И что это за звуки доносились издали? Фелисита открыла глаза, села и стала прислушиваться. Это не мог быть орган францисканской церкви – богослужение давно окончилось. Более знакомый с музыкой человек и не подумал бы об органе – кто-то мастерски играл на рояле увертюру к «Дон-Жуану».

Фелисита придвинула к окну стол и влезла на него. Четыре крыши образовывали замкнутый квадрат. Противоположная крыша была выше остальных и закрывала тот вид, о котором мечтала девочка. Высокая, слегка покатая боковая сторона этой крыши была покрыта цветами, которые качали разноцветными головками. Насколько могла достать человеческая рука, с устроенной у нижнего края крыши галереи были посажены ряды цветов, а выше до самого гребня крыши вился дикий виноград, ветви которого ползли даже на соседние крыши. Галерея шла во всю длину крыши и казалась удивительно легкой, а между тем на перилах ее стояли тяжелые ящики с землей, где росли пышные кустики резеды и сотни роз.

Белый, довольно грубый садовый стул около круглого столика и стоявший на столике фарфоровый кофейный прибор указывали на то, что здесь кто-то жил. Стены были покрыты плющом, по которому вились настурции, их огненные цветы качались и над стеклянной дверью. Она была приоткрыта, и именно из комнаты неслись звуки, привлечшие ребенка к окну.

Взгляд вниз, на пространство, замкнутое между четырьмя строениями, заставил Фелиситу догадаться, в чем дело. Внизу был птичий двор. Фелисита никогда его не видела, так как Фридерика всегда носила ключ от него в кармане. Но она часто приходила на кухню и сердито говорила Генриху: «Старуха наверху опять поливает свою негодную траву так, что из всех желобов течет!» Негодной травой назывались тысячи цветов, за которыми ухаживала старая дева, и в это воскресенье игравшая светские и веселые мотивы!..

Едва мелькнули в головке эти мысли, как маленькие ножки уже стояли на подоконнике. В этом сказалась вся гибкость детской души, в увлечении чем-нибудь новым способной в одно мгновение забыть все страдания и горе. Фелисита лазила, как белка, а пробежать по крышам было для нее пустяковым делом. Правда, оба желоба на крыше поросли мхом и казались довольно ветхими, но они, во всяком случае, не могли бы сломаться и их нельзя было и сравнивать с тем тонким канатом, на котором на глазах Фелиситы танцевала девочка гораздо младше ее. Фелисита выскользнула из окна и, сделав два шага по крыше, очутилась уже в желобе, затрепавшем под ее ногами. Затем девочка влезла на более высокую крышу,

перескочила через перила и уже стояла с горящими щеками и блестящими глазами среди цветов.

Фелисита робко смотрела через стеклянную дверь, быть может никогда еще не отражавшую детского лица. Плющ пророс через крышу и продолжал виться в большой комнате. Обоев совсем не было видно, но в маленьких промежутках среди зелени выступали кронштейны, на которых стояли большие гипсовые бюсты – целое собрание серьезных, неподвижных лиц, резко выделявшихся на темной зелени. Ветви плюща обвивали эти бюсты зеленым облаком и висели на окнах, через которые видна была вдали пестрая осенняя зелень на хребте горы и желтовато-серые полосы сжатых полей.

Под окнами стоял рояль, за которым сидела старушка, одетая совершенно так же, как вчера, и ее нежные руки с силой ударяли по клавишам.

Маленькая Фелисита тихо вошла. Почувствовала ли старушка близость человека или услышала шорох, но она внезапно перестала играть и ее большие глаза устремились поверх очков на ребенка. Легкий крик сорвался с ее губ, она сняла дрожащей рукой очки и поднялась, опираясь на рояль.

– Как ты попала сюда, дитя? – спросила она неуверенным голосом.

– Через крыши, – ответила, испугавшись, девочка.

– Через крыши?... Это невозможно! Пойди покажи мне, как ты шла.

Она взяла девочку за руку и вышла с ней на галерею. Фелисита указала на слуховое окно и на желобы. Старушка в ужасе закрыла лицо руками.

– Ах, не пугайтесь! – сказала Фелисита своим милым голоском. – Право же, это было нетрудно. Я лазаю как мальчик, и доктор Бём всегда говорит, что я легкая, как перышко, и что у меня нет костей.

Старая дева опустила руки и ласково улыбнулась. Она провела девочку назад в комнату и села в кресло.

– Ведь ты маленькая Фея, да? – спросила она, притянув Фелиситу к своим коленям. – Твой старый друг Генрих рассказывал мне сегодня о тебе.

При имени Генриха девочка вспомнила о своем горе. Щеки ее покрылись ярким румянцем; ненависть и скорбь провели вокруг маленького рта резкие черточки, которые совершенно изменили выражение ее лица. Эта внезапная перемена не укрылась от старой девы. Она ласково приблизила к себе лицо девочки.

– Видишь ли, деточка, – продолжала она, – Генрих уже много лет поднимается ко мне каждое воскресенье, чтобы получить от меня распоряжения. Он не смеет говорить со мной о том, что творится в переднем доме, и до сих пор никогда не нарушал этого запрета. Как же должен он любить маленькую Фею, если решился нарушить мое строго высказанное желание.

– Да, он меня любит, а больше никто, – ответила Фелисита, и голос ее дрогнул.

– Больше никто? – повторила старушка, и ее кроткие глаза серьезно устремились на ребенка. – Разве ты не знаешь, что есть Некто, который всегда будет любить тебя, даже если все люди отвернутся от тебя? Бог...

– О, Он совсем не хочет знать меня, потому что я дитя комедианта! – резко прервала ее Фелисита. – Госпожа Гельвиг сказала сегодня утром, что моя душа все равно потеряна, и все в переднем доме говорят, что Он отвернулся от моей бедной мамы, что она не у Него... Я Его больше не люблю и не хочу к Нему, когда я умру... Зачем мне быть там, где нет моей мамы?

– Боже правый, что сделали с тобой, бедное дитя, эти жестокие люди с их так называемой христианской верой!

Старушка поспешно встала и отворила дверь в соседнюю комнату. Над стоящей в углу кроватью, над дверями и окнами спускались белые кисейные занавеси, между которыми виднелись узкие полосы бледно-зеленой стены. Какая разница между этой маленькой ком-

наткой, такой свежей и безупречно чистой, и мрачным будуаром, в котором госпожа Гельвиг молилась по утрам, стоя на коленях!

На ночном столике около кровати лежала большая, очевидно, часто читаемая Библия. Старушка открыла ее уверенной рукой и громко прочитала взволнованным голосом:

– «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал бряцающий». – Она продолжала чтение дальше и закончила словами: – «Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится». И эта любовь исходит от Него, и Он Сам есть эта любовь, – сказала она, обняв ребенка. – Твоя мать – Его дитя так же, как и все мы, и Он взял ее к Себе, так как «любовь никогда не перестанет». Можешь быть уверена, что она там, на небесах, и если ты посмотришь ночью на небо с его миллионами чудных звезд, то думай и верь, что рядом с таким небом нет ада... Теперь ты будешь любить Его от всего сердца, моя маленькая Фея?

Девочка ничего не ответила, но страстно обняла свою кроткую утешительницу, и горячие слезы потекли по ее лицу.

Через два дня после этого у дома Гельвигов остановился экипаж. В него села вдова со своими двумя сыновьями, чтобы проводить их до ближайшего города. Иоганн отправлялся в Бонн изучать медицину и должен был доставить Натаниеля в тот пансион, в котором воспитывался сам.

Генрих стоял рядом с Фридерикой у отворенной двери и смотрел вслед удаляющемуся экипажу. Он тихонько свистнул, что всегда было у него выражением хорошего настроения.

– Несколько годиков пройдет, пока кто-нибудь из них вернется домой, – сказал он довольным голосом Фридерике, считавшей своей обязанностью вытирать передником глаза.

– А ты и доволен? – огрызнулась она. – Хорошая благодарность за деньги, которые ты получил от молодого барина на водку!

– Иди в кухню, они лежат на плите, я их не трону! Можешь себе купить на них, если хочешь, красную юбку и желтые башмаки.

– Ах ты бессовестный! Красную юбку и желтые башмаки – как у канатной плясуньи! – рассердилась старая кухарка. – Знаю я, чего ты злишься, – молодой барин хорошо тебе утер нос сегодня утром!

– Ты, я вижу, много знаешь! – равнодушно сказал дворник. Он засунул руки в карманы, поднял плечи и принял еще более непринужденную позу.

– Человек, который получает двадцать талеров жалованья и у которого лежит в сберегательной кассе всего пятьдесят талеров, – продолжала она ядовито, – изображает перед своими богатыми господами Великого Могола и заявляет: «Отдайте мне чужого ребенка, я помещу его у своей сестры, и он не будет стоять вам ни одного геллера».

– А молодой барин, – закончил Генрих, – ответил на это: «Дитя в хороших руках, Генрих, и во всяком случае останется в доме до восемнадцати лет, и ты не посмеешь заступаться за нее, если она будет противиться моей матери. А если ты еще раз застанешь старую кухонную ведьму подслушивающей у дверей, отколоти ее без всякого милосердия». Что бы ты сказала, Фридерика, если бы я сейчас...

Он поднял руку, и старая кухарка, ругаясь, убежала в кухню.

Х

Прошло девять лет. Но ни на крепкие, как железо, стены дома на площади, ни на женский профиль у хорошо знакомого окна нижнего этажа время не наложило печати разрушения. И все же старый дом имел необычный вид: шторы в большой комнате второго этажа с крытым балконом были подняты уже в продолжение нескольких недель и на подоконниках стояли горшки с цветами. Прохожие по-прежнему смотрели сначала на окно с кустом ласточника и почтительно кланялись госпоже Гельвиг, но затем их взоры украдкой поднимались к крытому балкону. Там часто показывалось очаровательное женское личико с пепельными локонами и синими глазами, почти по-детски удивленно смотревшими на Божий свет. Иногда в окне появлялась обезображенная золотухой головка ребенка, с любопытством заглядывавшего на площадь. Под старательно завитыми жидкими светлыми волосиками серое одутловатое личико ребенка казалось еще уродливее. Но при всем контрасте во внешности это были мать и дитя.

За протекшие девять лет один инженер открыл недалеко от городка Х. целебный источник. Горожане устроили у источника ванны, которые вместе с прославленным тюрингенским воздухом очень скоро стали привлекать ищущих исцеления. Молодая женщина тоже приехала сюда из-за ребенка, которому профессор Иоганн Гельвиг в Бонне посоветовал принимать в Х. ванны.

Несмотря на всю свою известность, профессору вряд ли удалось бы поместить какого-нибудь пациента в комнате с крытым балконом, которую так берегла его мать, если бы его пациенты не были дочерью и внучкой того самого родственника на Рейне, о котором госпожа Гельвиг была такого высокого мнения. Кроме того, молодая женщина была вдовой советника правительства. Было очень недурно иметь в семье хотя бы и не особенно важную советницу, так как покойный Гельвиг всегда упрямо отказывался доставить своей жене титул советницы.

Госпожа Гельвиг сидела у окна. Можно было подумать, что время миновало черное шерстяное платье, воротничок и манжеты: все имело тот же вид, как и девять лет назад. Ее большие белые руки с вязаньем лежали на коленях – она была занята другим. У дверей стоял человек в потертой одежде. Он часто поднимал в разговоре свою мозолистую руку и говорил тихо и запинаясь. Строгая женщина не сказала ни одного ободряющего слова, и он наконец замолчал, вытирая платком вспотевший лоб.

– Вы обратились не туда, куда следовало, Тинеман, – холодно сказала госпожа Гельвиг. – Я не делю своего капитала на такие маленькие части.

– Ах, госпожа Гельвиг, я об этом и не думал, – живо возразил проситель, делая шаг вперед. – Вы ведь известная благотворительница, каждый год собираете деньги на бедных... и в газете часто говорится о вашем участии в лотереях... Вот я и хотел попросить дать мне из денег, собранных на бедных, в долг на полгода двадцать пять талеров...

Госпожа Гельвиг улыбнулась – бедняк не знал, что это был смертный приговор его надежде.

– Право, можно подумать, что вы не в своем уме, – сказала она язвительно. – Из трехсот талеров, которые находятся теперь в моем распоряжении, ни один геллер не останется в городе. Они собраны для нужд миссии и предназначены на богоугодные дела, а не для поддержки людей, которые еще могут работать.

– Трудолюбия-то у меня достаточно, – сказал мастер глухим голосом. – Но болезнь довела меня до нужды... Боже мой, когда у меня были лучшие времена, я делал по вечерам разные мелочи и жертвовал их на ваши лотереи, думая, что они принесут пользу нашим

бедным. И вот оказывается, что деньги уходят далеко, а у нас есть много своих бедных, не имеющих ни сапог, ни вязанки дров на зиму.

– Прошу не читать мне наставлений! Мы делаем добро, но с выбором, мастер Тинеман... Такие люди, которые слушают в ремесленном обществе речи, исполненные ложных учений, конечно, ничего не получают. Лучше было бы, если бы вы стояли у своего верстака, а не спорили против Священного Писания. Подобные богохульные речи доходят до нас, и мы запоминаем, кто их говорит. Вы теперь знаете мои взгляды и потому не можете надеяться на меня.

Госпожа Гельви́г отвернулась и стала смотреть в окно.

– Боже мой, что только должен выслушивать нуждающийся человек! – вздохнул бедняк.

Он посмотрел еще раз на советницу, сидевшую у окна напротив госпожи Гельви́г, и вышел. Это цветущее создание в легком белом платье было способно внушить радостную надежду ищущим помощи, но на внимательного наблюдателя эта ангельская головка произвела бы впечатление изваяния, так как улыбка не покидала его и в то время, когда проситель взволнованно говорил о своем горе.

– Ты ведь не рассердилась, тетечка? – спросила она ласковым голосом. – Мой покойный муж тоже всегда был в очень натянутых отношениях с этими прогрессистами, и союзы внушали ему ужас... Ах, вот и Каролина.

Через кухонную дверь еще во время беседы с Тинеманом неслышно вошла молодая девушка. Кто видел четырнадцать лет тому назад красивую молодую жену фокусника, тот испугался бы, увидев ее воскресшей. Это были те же чистые линии головы с перламутрово-белым узким лбом и опущенными уголками прелестного рта, придававшими лицу выражение тихой грусти. Только блестящие карие глаза свидетельствовали о сильной и непокорной душе.

Фелисита вынуждена была откликаться на мещанское имя Каролины, так как ее «комедийное имя» было выведено из употребления госпожой Гельви́г тотчас же после смерти мужа. Фелисита подошла к хозяйке дома и положила на ее рабочий столик превосходно вышитый батистовый носовой платок. Советница быстро схватила его.

– Это тоже будет продано в пользу миссионерской кассы, тетя? – спросила она, разглядывая вышивку.

– Конечно, – ответила госпожа Гельви́г, – для этого-то Каролина и вышивала, она достаточно долго прокопалась над ним. Я думаю, талера три можно будет за него выручить.

– Может быть, – сказала советница, пожимая плечами. – Но откуда вы взяли рисунок, дитя?

Фелисита немного покраснела.

– Я сама сочинила его, – ответила она тихо.

Молодая вдова быстро взглянула на нее. Ее голубые глаза стали почти зелеными.

– «Сама сочинила»? – повторила она медленно. – Не сердитесь на меня, деточка, но вашей смелости я при всем желании не могу понять. Как можно было решаться на это, не имея нужных знаний! Ведь это настоящий батист, этот кусок стоит тете не менее талера – и все испорчено плохим рисунком.

Госпожа Гельви́г быстро вскочила.

– Ах, не сердись на Каролину, милая тетя, она, наверное, думала сделать хорошо, – попросила кротким голосом молодая женщина. – Может быть, его все-таки можно будет продать... Видите ли, милое дитя, я принципиально никогда не занималась рисованием, мне не нравится карандаш в женской руке, но тем не менее я отлично вижу, что рисунок не верен... Что это за чудовищный лист!

Она указала на продолговатый листик с завернувшимся кончиком, который был так хорош, что его можно было принять за настоящий. Фелисита не возразила ни слова, но крепче сжала губы и твердо посмотрела советнице в лицо... Та быстро отвернулась.

– Ах, милое дитя, опять этот пронизывающий взгляд! – сказала она жалобно. – Право, молодой девушке в вашем положении совсем не идет так вызывающе смотреть. Подумайте, что вам говорит всегда ваш истинный друг, наш добрейший секретарь Вельнер: «Покорность, покорность, милая Каролина!» Опять у вас презрительное выражение, право, можно рассердиться! Неужели вы непременно хотите отклонить предложение этого честного человека, потому что вы его не любите? Смешно! Видно, Иоганну придется в конце концов приказывать вам!

Как хорошо должна была молодая девушка владеть собой! При последних словах она выпрямилась, кровь бросилась в ее высоко поднятую голову, на лице появилось какое-то демоническое выражение ненависти и презрения. Несмотря на это, она ответила спокойно и холодно:

– Посмотрим, что из этого выйдет.

– Сколько раз я просила тебя, Адель, не касаться больше этого неприятного вопроса, – сказала в раздражении госпожа Гельвиг. – Неужели ты воображаешь, что можешь в несколько недель переделать этот чурбан, эту упрямыцу, над которой я бьюсь девять лет? Все это кончится, как только Иоганн приедет, и я трижды перекрещусь... Поди принеси мне шляпу и накидку, – приказала она Фелисите. – Я надеюсь, что эта скверная работа, – она презрительно отбросила носовой платок, – будет последней.

Фелисита молча вышла. Вскоре после этого госпожа Гельвиг и ее гостя шли по площади. Молодая мать нежно вела за руку свое больное дитя. Ее прислуга Роза и Фридерика следовали за ними с корзинами: собирались ужинать в загородном саду, а затем плести венки и гирлянды. Завтра должен был вернуться в родительский дом после девятилетнего отсутствия молодой профессор, и советница собиралась украсить его комнату, несмотря на ворчание госпожи Гельвиг.

XI

Генрих запер дверь, и Фелисита поднялась по лестнице. Узкий коридор с его спертым воздухом показался молодой девушке милым и родным. Дойдя до двери, Фелисита вынула из кармана ключ и отперла дверь, за которой была узенькая темная лестница, ведущая в мансарду.

Только один раз прошла она по крышам, и с тех пор вход в одинокую келью старой девы был для нее свободен. Первое время она поднималась вверх вместе с Генрихом лишь по воскресеньям. Но после конфирмации старая дева дала ей ключ от разрисованной двери, и с тех пор она пользовалась каждой свободной минуткой, чтобы проскользнуть вверх. Весь мрак нижнего этажа оставался позади, как только Фелисита поднималась по узкой темной лестнице. Внизу она гладила и стряпала, а время своего так называемого отдыха должна была заполнять вышиваниями, доход от которых шел на благотворительные цели. Всякое чтение, кроме Библии и молитвенника, было ей строго воспрещено. Но в мансарде ей открывались чудеса ума человеческого. Она училась с жадностью, и обширные познания загадочной отшельницы были для нее неисчерпаемым источником. Кроме Генриха, никто в доме не знал об этом знакомстве – малейшее подозрение госпожи Гельвиг положило бы ему конец. Несмотря на это, старая дева всегда внушала ребенку, что нужно сказать правду, если ее когда-нибудь спросят об этом. Но Генрих сторожил хорошо.

Фелисита остановилась у одной двери, отодвинула маленький засов и с улыбкой заглянула в комнату, из которой раздавались пение, писк и крик. Посредине возвышались две елки, а вдоль стен тянулись кустики, на ветвях которых сидели птицы.

Фелисита отворила вторую дверь в комнату, обвитую плющом, с ее собраниями бюстов и больших, переплетенных в красный сафьян книг, лежащих за стеклом в старинном шкафу. Великие композиторы разных времен разделяли в своих образах и произведениях одиночество старой девы. Она одинаково охотно играла и старо-итальянскую, и немецкую музыку. Но старинный шкаф скрывал и другие сокровища. В особых папках лежали рукописи и автографы великих людей. Эта коллекция была составлена в прежние годы, и не один пожелтевший листок был приобретен ценой значительных жертв и редкого терпения.

Фелисита застала старушку в комнате за спальней. Она сидела на скамеечке перед открытым шкафом, а вокруг нее, на стульях и на полу, лежали свертки полотна, фланели и предметы туалета новорожденного. Старушка повернула голову к вошедшей. Ее лицо значительно изменилось, и даже радость, которую оно выражало в эту минуту, не могла уничтожить следов дряхлости.

– Хорошо, что ты пришла, милая Фея, – сказала она. – Мне сказали, что к столяру Тинеману может каждую минуту прилететь аист, а у них даже не во что завернуть малютку. Наш запас еще весьма приличен, и мы можем собрать маленькое приданое, не хватает только вот этого, – она надела на свой маленький кулак розовый чепчик. – Ты могла бы сейчас сшить это, Фея, надо во что бы то ни стало доставить вещи сегодня же вечером.

– Ах, тетя Кордула, – сказала Фелисита, принимаясь за иглу, – я знаю, что Тинеману нужны и деньги – двадцать пять талеров.

Старая дева подумала.

– Гм, это многовато для меня в настоящую минуту, – сказала она, – но все-таки это нужно устроить.

Она с трудом поднялась. Фелисита предложила ей руку и повела в музыкальную комнату.

– Тетя, – сказала она, внезапно остановившись, – жена Тинемана недавно отказалась стирать твоё белье, чтобы на нее не рассердилась госпожа Гельвиг, – ты не подумала об этом?

– Ты, кажется, хочешь искушать свою старую тетку? – сказала сердито старая дева, но глаза ее хитро блеснули.

Обе засмеялись и подошли к стеклянному шкафу. Этот тяжелый старинный шкаф имел свои тайны. Тетя Кордула нажала с виду невинное украшение, и на боковой стенке открылась узкая дверь. Тут находился «сейф» старой девы, вызывавший прежде у Фелиситы особый интерес, так как ей не часто удавалось взглянуть на собранные здесь драгоценности и редкости. На узких полках лежали несколько свертков с деньгами, столовое серебро и драгоценности.

Пока тетка считала талеры, Фелисита достала стоявшую в самом темном уголке коробочку и с любопытством открыла ее. В ней лежал массивный и громадный по размерам золотой браслет, на котором не было ни одного драгоценного камня. На середине браслета был выгравирован венок из роз и тонких веточек, обрамлявший следующие стихи:

Swa zwei lieb ein ander meinent
herzerlichen âne wanc,
Und sich beidin sô vereinent.

Молодая девушка поворачивала браслет и искала продолжения. Хотя она и не знала старо-немецкого языка, все же легко перевела последнюю строчку: «Если вы навеки соединились».

– Тетя, ты дальше не знаешь? – спросила она.

Старая дева подняла голову.

– О, дитя, зачем ты взяла это! – вскрикнула она, и в голосе ее послышались и неудовольствие, и испуг, и печаль. Она быстро схватила браслет, дрожащей рукой положила его в коробку и закрыла крышку. Румянец, появившийся на одной щеке, и нахмуренные брови придавали ее взгляду какую-то мрачную грусть. Казалось, она забыла даже о присутствии девушки, так как, с лихорадочной поспешностью спрятав коробочку в угол, схватила стоявшую рядом коробку, оклеенную серой бумагой, и стала нежно гладить ее. Черты лица ее смягчились, она вздохнула и пробормотала, прижимая коробку к своей впалой груди:

– Она должна умереть раньше меня... и все-таки мне тяжело это сделать!

Фелисита испуганно обняла слабую старушку. В первый раз за время их девятилетнего знакомства тетя потеряла самообладание. Несмотря на свою хрупкую и слабую внешность, она при любых обстоятельствах проявляла удивительно твердый дух, несокрушимое душевное спокойствие, и ничто не могло вывести ее из равновесия. Она всем сердцем привязалась к Фелисите, передала ей все свои знания и заложила в молодую душу все сокровища своих здоровых взглядов на жизнь, но ее прошлое оставалось все таким же таинственным, как и девять лет назад. А теперь Фелисита так неосторожно коснулась этой тайны.

– Ах, тетя, прости меня! – умоляюще воскликнула она. Как по-детски трогательно могла просить эта девушка, которую госпожа Гельвиг назвала упрямецой и чурбаном!

Старая дева провела рукой по глазам.

– Успокойся, дитя, ты не виновата ни в чем, а я просто болтаю вздор! – сказала она слабым голосом. – Да, я стала стара и слаба! Прежде я стискивала зубы, и язык лежал за ними спокойно, а теперь это не удастся уже – пора умирать.

Она все еще держала маленькую узкую коробку в руках, колеблясь и будто собираясь с силами, чтобы исполнить тотчас же произнесенный приговор. Но через несколько мгновений она быстро положила коробку на прежнее место и заперла шкаф. После этого к ней как будто вернулось и внешнее спокойствие. Она подошла к круглому столу, на который положила деньги.

– Деньги мы завернем в бумажку, – сказала она Фелисите, и в ее голосе слышались еще следы недавней внутренней бури, – и положим в розовый чепчик. Таким образом, в нем побывает уже немножко счастья раньше, чем в него попадет маленькая головка. И скажи Генриху, чтобы он ровно в 9 часов был сегодня на своем посту – смотри, не забудь!

У старой девы были свои особенности. Ее дела не любили дневного света, они оживали только ночью и стучались в хижины бедняков, когда улицы были пусты, а глаза людей смыкались... Генрих был уже долгие годы ее правой рукой, о действиях которой левая ничего не должна была знать; он хитро и невидимо доставлял исходившую от старой девы помощь в жилища бедных, так что многие в городе ели, сами того не зная, хлеб старой девы, но верили ужаснейшим рассказам о ней и готовы были в случае надобности поклясться в их достоверности.

В то время как тетя Кордула аккуратно заворачивала деньги, Фелисита отворила стеклянную дверь на галерею. Был конец мая. На перилах галереи цвели гиацинты, ландыши и тюльпаны, а по обеим сторонам стеклянной двери стояли в кадках большие кусты сирени и калины.

Фелисита вынесла на галерею маленький круглый столик, поставила рядом с ним удобное кресло старой девы, приготовила кофе и снова принялась за шитье, а старушка задумчиво смотрела в залитую солнцем даль, сидя в своем кресле.

– Тетя, – сказала после маленькой паузы молодая девушка, подчеркивая каждое слово, – он приезжает завтра.

– Да, дитя, я читала об этом в газете, там есть заметка из Бонна: «Профессор Гельвиг уезжает на два месяца отдыхать в Тюринген». Он стал знаменитостью, Фея.

– Слава досталась ему легко. Он не знает мук, которые причиняет сострадание. Он одинаково спокойно совершает операции с телом и душой человека.

Старая дева с удивлением посмотрела на Фелиситу: этот тон был нов для нее.

– Остерегайся несправедливости, дитя! – сказала она кротко.

Фелисита быстро подняла свои карие глаза, казавшиеся в эту минуту почти черными, и возразила:

– Он сильно виноват предо мной, и я знаю, что никогда бы не пожалела его, если бы с ним случилось какое-нибудь несчастье, а если бы могла содействовать его счастью, то не шевельнула бы и пальцем...

– Фея!

– Я постоянно приходила к тебе со спокойным лицом, не желая отравлять те немногие часы, которые мы могли проводить вместе. Ты часто была уверена в спокойствии моей души, тогда как в ней кипела буря... Если тебя унижают ежедневно, ежечасно, если ты слышишь, как поносят твоих родителей, как называют их проклятыми Богом, если ты чувствуешь стремление к высшему и сознаешь, что заключена среди необразованных людей, потому что ты бедна и не имеешь права на образование, если видишь, как твои мучители носят ореол благочестия и безнаказанно нравственно уничтожают тебя во имя Господне, – и переносишь все это спокойно, без возмущения, и даже прощаешь, – то это не ангельское терпение, а трусливое, рабское подчинение слабой души, заслуживающей всяческого порицания!

Фелисита говорила твердо, низким, звучным голосом.

– Мысль, что мне придется снова видеть каменное лицо Иоганна, невыразимо волнует меня, – продолжала Фелисита. – Бессердечным и бездушным голосом он будет повторять все то, что писал обо мне в продолжение девяти лет. Он привязал меня к этому ужасному дому и тем обратил для меня последнюю волю дяди в проклятие... Я не должна была иметь ни способностей, ни мягкого сердца, ни чувства чести – все это неуместно у дочери фокусника. Свое низкое происхождение я могла бы искупить только в том случае, если бы стала

так называемой служанкой Господней, одним из несчастных существ с самым узким кругозором.

– Ну, этого мы избежали, дитя, – сказала, улыбаясь, тетя Кордула. – Во всяком случае, с его приездом для тебя наступит перемена.

– Несомненно, но лишь после борьбы. Госпожа Гельвиг сегодня утешила меня, сказав, что все кончится.

– Тогда мне не нужно будет повторять тебе, что ты должна терпеть до конца, чтобы почтить последнюю волю того, кто взял тебя в свой дом и любил тебя как своего ребенка... Затем ты будешь совершенно свободна и станешь открыто ухаживать за своей старой теткой. Нам не придется больше бояться разлуки, потому что они отрекутся от своих прав на тебя.

Глаза Фелиситы заблестели, она быстро схватила маленькую руку старой девы и прижала ее к губам.

– Не думай обо мне хуже, тетя, с тех пор как ты глубже заглянула в мою душу, – просила она мягким голосом. – Я высококого мнения о людях и люблю их, а если я так энергично боролась с нравственной смертью, то меня отчасти побуждало желание не оказаться среди людей простым выючным животным. Но я неспособна любить своих врагов и благословлять проклинающих меня. Я не могу изменить этого, тетя, да и не хочу, так как тут кротость граничит с бесхарактерностью.

Тетя Кордула молчала, и взгляд ее был устремлен на пол. Может быть, и в ее жизни была минута, когда она не могла простить? Она умышленно не продолжала разговора, а взяла иголку, и работа закипела, так что когда наступили сумерки, был готов порядочный узел.

Когда Фелисита покинула квартиру старой девы, в переднем доме уже царил оживление. Она услышала смех и болтовню дочери советницы, маленькой Анны, а в сенях раздавались сильные удары молотка. На лестнице стоял Генрих и прикреплял над дверью гирлянды. Увидев Фелиситу, он сделал смешную гримасу и несколько раз так сильно стукнул по несчастным гвоздям, как будто хотел их раздробить.

Маленькая Анна с важностью держала лестницу, чтобы она не упала, но, увидев Фелиситу, забыла свое серьезное дело и нежно обняла ручонками ее колени. Молодая девушка взяла ее на руки.

– Такие приготовления делают, точно в доме завтра свадьба, – сердито сказал вполголоса Генрих, – а приедет человек, который не смотрит по сторонам и делает целый день такое лицо, точно выпил уксуса. – Он поднял конец гирлянды. – Посмотри-ка, тут и незабудки есть. Ну, тот, кто плел эту гирлянду, наверное, знает, почему они тут. Феечка, – сердито прервал он себя, видя, что ребенок прислонился щекой к лицу Фелиситы, – сделай одолжение, не бери ты постоянно на руки это маленькое чудовище... Может быть, это заразно.

Фелисита быстро обняла левой рукой маленькую девочку и прижала ее к себе с глубоким состраданием. Ребенок боялся враждебных взглядов Генриха и спрятал свое некрасивое личико, так что видна была только кудрявая головка.

В это время разукрашенная дверь в комнату отворилась. Казалось, комната действительно была приготовлена для приема молодой невесты: на подоконнике стояли вазы, наполненные цветами, а советница только что повесила длинную гирлянду над письменным столом. Она отступила в холл, чтобы посмотреть на дело своих рук, и увидела стоявшую Фелиситу. Советница недовольно нахмурила свои тонкие брови, позвала прислугу, вытиравшую мебель, и указала ей на дверь.

– Слезай сейчас же, Анхен, – заворчала Роза, выходя в холл, – мама ведь сказала тебе, чтобы ты никому не позволяла брать себя на руки...

Она увела плачущего ребенка в комнату и заперла дверь.

Генрих прошипел, спускаясь с лестницы:

– Вот видишь, Феечка, что вышло из твоего доброго намерения?

Фелисита молча шла рядом с ним. Когда они сошли вниз, перед домом остановился экипаж. Раньше, чем Генрих успел дойти до двери, ее отворили сильным движением. Несколько быстрых шагов – и вошедший стоял уже перед дверью в жилые комнаты. Дверь затворилась за ним, и послышался возглас удивления госпожи Гельвиг: «Ты стал неаккуратным, Йоганн. Мы ждали тебя только завтра».

– Это был он! – прошептала Фелисита, испуганно прижав руку к сердцу.

– Ну, теперь начнется! – проворчал Генрих, но тотчас же замолк, слушая, что творилось на лестнице.

Советница буквально летела вниз по ступенькам, ее белокурые локоны развевались, а белое платье клубилось, как облако.

– Ну, Феечка, теперь мы знаем, почему в гирлянде есть незабудки! – засмеялся Генрих и вышел, чтобы внести вещи приезжего.

XII

На следующее утро Фелисита воспользовалась свободной минуткой, чтобы проскользнуть к тете Кордуле и сообщить ей, что экспедиция Генриха к бедному столяру удалась. В сенях второго этажа она встретила Генриха, с усмешкой показавшего ей на дверь, которую он вчера украшал. На полу лежала целая куча гирлянд, а у стены выстроились вазы с цветами.

– Как все это полетело! – прошептал Генрих. – Я пришел, когда он стоял на лестнице.

– Кто?

– Да профессор. У него было ужасное лицо. И подумай, Феечка, он подал мне руку, когда я пожелал ему доброго утра, – это меня удивило.

Фелисита собиралась ответить, но в это время к дверям комнаты приблизились чьи-то быстрые шаги, и она скрылась за угол в темный коридор.

Когда она возвращалась из мансарды, внизу раздался голос советницы.

– Бедные цветы! – сказала она кротко жалобным тоном.

– Ты причинила мне большую неприятность, Адель, – ответил мужской голос, – ты ведь знаешь, что я терпеть не могу подобных встреч!

Это был тот же холодный голос, который произвел когда-то такое неизгладимое впечатление на маленькую Фею. Фелисита перегнулась через перила и посмотрела вниз. Он медленно спускался с лестницы, ведя за руку крошку Анну. Представители науки всегда казались молодой девушке окруженными ореолом величия и благородства, но профессор Гельвиг был не таков. В его плотной и крепкой фигуре с угловатыми движениями было что-то упрямое и суровое; можно было подумать, что эта шея никогда не сгибалась для поклона. Выражение некрасивого лица не стало доброжелательнее.

Но все же в этой непривлекательной наружности было что-то значительное.

Он наклонился к девочке, с трудом спускавшейся с лестницы, и взял ее на руки.

– Поди сюда, дитя, твои бедные ножки еще не хотят ходить, – сказал он удивительно кротко и с состраданием.

«Он ведь говорит не с ребенком комедианта», – подумала Фелисита, и ее сердце исполнилось горечи.

Утро проходило шумно в тихом доме Гельвигов, звонок у дверей звонил не переставая. И в этом маленьком городке, как и везде, было много людей, стремившихся к тому, чтобы и их будничные лица озарило сияние славы, не думая о том, что это сияние неумолимо озарило бы и их бедное «я». Фелисита была очень рада этим визитам; хотя она страстно ждала быстрого решения, но боялась первого столкновения и чувствовала, что она еще не приготовилась и недостаточно спокойна. После обеда Генрих пришел в кухню, внимательно оглядел платье Фелиситы и неуверенно сказал:

– У тебя коса немного распустилась, Феечка, заколи ее хорошенько и иди в комнату покойного барина – они там... Ну, чего же так пугаться? Ты так побледнела... Смелее, Феечка...

Фелисита отворила дверь и тихо вошла в комнату. Точь-в-точь как девять лет назад госпожа Гельвиг сидела в кресле у окна. Рядом с ней спиной к дверям и заложив за спину руки стоял Иоганн.

Фелисита не без основания боялась этой первой встречи. Взглянув на него, она почувствовала, что ею овладевают ненависть и озлобление, а между тем самообладание было необходимо для нее в этот решающий момент.

– Вот и Каролина, – сказала госпожа Гельвиг.

Профессор обернулся, и его лицо выразило крайнее изумление. Гордо выпрямившись, хотя и не поднимая глаз, перед ним стояла не упрямая девочка, дитя комедианта, а взрослая девушка.

Он подошел к ней и сделал движение правой рукой – может быть, он хотел подать ей руку, как Генриху. Ее сердце вздрогнуло при этой мысли, руки прижались к телу, и она бросила холодный взгляд на стоявшего перед ней человека. В это время в дверь постучали и в ней появилась белокурая, улыбающаяся головка советницы.

– Можно войти? – спросила она ласковым голосом и раньше, чем ей кто-нибудь ответил, стояла уже посреди комнаты. – Ах, я, кажется, пришла как раз к неприятному разговору? Ну, милая Каролина, вы теперь увидите, что существует и другая воля, кроме вашей, а бедный Вельнер получит наконец ответ.

– Пожалуйста, Адель, дай говорить Иоганну! – резко сказала госпожа Гельвиг.

– Ну, остановимся сначала на этом пункте, – начал профессор. – Скажите, пожалуйста, почему вы отвергаете это лестное предложение?

Его спокойные, бесстрастные глаза испытующе смотрели на молодую девушку.

– Потому что я его презираю. Он жалкий лицемер, прикрывающий благочестием свою жадность и скупость, – ответила она твердо и уверенно.

– Какая клевета! – воскликнула советница, всплеснув белыми руками и подняв к небу большие голубые глаза.

Госпожа Гельвиг коротко и хрипло засмеялась.

– Вот тебе образчик манер твоей так называемой воспитанницы, Иоганн! – воскликнула она. – Я знаю этот злой язык!.. Кончай скорее! Ты не подвинешься вперед ни на волос, а я не хочу слушать, как клеветают на почтенных людей, бывающих в моем доме.

Профессор ничего не ответил. Его красивая узкая рука медленно гладила бороду – он не спускал глаз с советницы, все еще стоявшей в позе молящегося серафима. Казалось, он слышал только ее восклицание.

– Ты, Адель, хорошо успела изучить характеры за время своего краткого пребывания тут, – сказал он.

– Боже мой, Иоганн! – живо прервала его молодая вдова. – Надеюсь, ты не подумаешь, что был особый интерес... – она внезапно замолчала, и густой румянец покрыл ее щеки.

В глазах профессора мелькнула насмешка.

– Многие дамы, бывающие у тети, считают его благородным человеком, – добавила она. – Через его руки идут деньги на миссию, и верующие не находят его достойным порицания.

– И ты, конечно, готова в этом поклясться? – добавил профессор. – Я не знаю этого человека, – обратился он к Фелисите, – и не могу поэтому сказать, насколько ваше обвинение справедливо.

– Иоганн! – раздраженно прервала его госпожа Гельвиг.

– Позволь, мама, мы обсудим это после, – сказал он спокойно. – До сих пор, – продолжал он, обращаясь к молодой девушке, – я не давал вам права решать дела самостоятельно, во-первых, потому, что вы находились в прекрасных руках, а затем и потому, что вы всегда противитесь тому, что делается ради вашего блага... Но в этом вопросе я не властен. В некоторых отношениях я даже не могу не согласиться с вами, потому что вы молоды, а он, говорят, пожилой человек. Сверх того – и разница положения. В настоящее время он не обращает внимания на ваше происхождение, но это может случиться позже.

Как все это было благоразумно и... бессердечно! В эту минуту он являлся именно автором тех письменных распоряжений, которые никогда не упускали из виду происхождения дочери комедианта. Он подошел к молодой девушке, губы которой искривила горькая усмешка.

– Вы нам доставили много хлопот, – сказал он. – Вы не умели, да и не хотели даже заслужить расположения моей матери. При таких обстоятельствах вы сами не пожелаете оставаться дольше в этом доме.

– Я с радостью ушла бы сейчас же.

– Охотно верю, вы всегда достаточно ясно показывали, что наше строгое и добросовестное попечение для вас несносно. – В его голосе послышалось раздражение. – Ваше желание будет исполнено, но я не считаю еще свою задачу оконченной – я хочу предварительно попытаться разыскать ваших родных.

– Ты был прежде другого мнения об этом, – иронически вставила госпожа Гельвиг.

– Как видишь, оно изменилось, – возразил он спокойно. Фелисита знала, что эти поиски останутся без результатов.

Четыре года назад тетя Кордула через редакцию одной из наиболее распространенных газет пыталась разыскать фокусника Орловского и родственников его жены. Объявление было перепечатано всеми более и менее значительными газетами, но до сих пор никто не откликнулся.

– Я сделаю еще сегодня необходимые шаги, – продолжал профессор, – думаю, что двух месяцев будет достаточно для выяснения обстоятельств... До тех пор вы находитесь еще под моей опекой и в подчинении у моей матери. Если же, как я опасаюсь, из ваших родных не найдется никого, то...

– То я прошу освободить меня тотчас же по истечении срока! – прервала его Фелисита.

– Нет, это ни на что не похоже! – воскликнула возмущенная советница. – Можно подумать, что в этом доме мира и христианского милосердия вас мучили и истязали! Неблагодарная!

– Вы надеетесь, значит, обойтись в дальнейшем без нашей поддержки? – спросил профессор, не обращая внимания на гневное восклицание вдовы.

– Благодарю вас.

– Ну, хорошо, по истечении двух месяцев вы будете свободны! – сказал он, немного помолчав, отвернулся и подошел к окну.

– Можешь идти! – резко сказала госпожа Гельвиг.

Фелисита вышла из комнаты.

– Значит, еще восемь недель борьбы! – шептала она, проходя через холл. – И борьба будет беспощадной...

XIII

Три дня, прошедшие со времени приезда профессора, совершенно изменили однообразную жизнь старого купеческого дома, но для Фелиситы это время, сверх всяких ожиданий, прошло спокойно. Профессор больше не обращал на нее внимания. Она вздохнула свободнее, но – странное дело – никогда не чувствовала себя такой униженной и оскорбленной, как теперь. Несколько раз Иоганн проходил мимо, не замечая ее. Правда, он сердился тогда, потому что, несмотря на все его просьбы, госпожа Гельвиг звала его в гостиную, когда ее знакомые хотели видеть профессора. Он являлся, но был очень нелюбезным компаньоном. И ежедневно приходило много пациентов, которых Генрих посылал на третий этаж. Среди этих ищущих помощи немало было настолько бедных, что Фридерика в другое время без дальнейших разговоров прогнала бы их. Профессор славился главным образом как глазной врач; иногда ему удавалось лечение даже в тех случаях, которые считались безнадежными, и потому-то имя еще очень молодого профессора стало таким блестящим и прославленным.

Госпожа Гельвиг поручила Фелисите убирать ежедневно комнату Иоганна. Эта комната совершенно изменилась с тех пор, как Иоганн поселился в ней. Она напоминала монашескую келью. Пестрые ситцевые занавеси тотчас же были изгнаны, та же участь постигла и несколько плохих картин, зато над письменным столом появилась превосходная гравюра, висевшая прежде в каком-то темном углу и изображавшая молодую мать, нежно прикрывающую ребенка своим шелковым манто. Шерстяная скатерть со стола и несколько вышитых подушек с дивана были удалены, как «рассадники пыли», а на комод были аккуратно расставлены книги профессора. Ни один листок в них не был загнут, а между тем ими, без сомнения, часто пользовались. Книги были переплетены в очень простые переплеты разных цветов по языкам: латинские – в серый, немецкие – в коричневый и т. д. «Так же сортирует он и человеческие души», – подумала с горечью Фелисита, увидев в первый раз ряды книг.

Утренний кофе профессор пил вместе с матерью и советницей, затем поднимался в свою комнату и работал до обеда. Около него постоянно должен был стоять графин с водой. Казалось, он избегал услуг – он никогда не пользовался звонком. Если вода казалась ему недостаточно свежей, он сам спускался во двор и наполнял графин свежей водой.

Утром на четвертый день принесли письма на имя профессора. Генриха не было дома, и Фелиситу послали наверх. Она остановилась, колеблясь, у двери: в комнате раздавался женский голос.

– Доктор Бём говорил мне о глазной болезни вашего сына, – мягко произнес профессор, – я посмотрю, что можно сделать.

– Ах, господин профессор, такой знаменитый врач, как вы...

– Оставьте это! – прервал он говорившую так резко, что она испуганно замолчала. – Я приду завтра и осмотрю вашего сына, – добавил он мягче.

– Мы бедные люди, заработок так мал...

– Вы уже два раза говорили об этом, – нетерпеливо прервал ее профессор. – Идите, мне некогда... Если я буду в состоянии помочь вашему сыну, то я это сделаю, прощайте.

Женщина вышла, и Фелисита переступила порог. Профессор сидел за письменным столом. Он видел, как вошла молодая девушка, и, не отрывая глаз от работы, протянул руку за письмами.

– Кстати, – остановил он на пороге Фелиситу, – кто убирает мою комнату?

– Я, – ответила девушка.

– В таком случае я должен просить вас быть осторожнее. Мне бывает неприятно, если какая-нибудь книга даже сдвинута со своего места, а теперь я вовсе не могу найти одной из них.

– Как называется эта книга? – спросила она спокойно.

На серьезном лице профессора мелькнуло что-то вроде усмешки.

– Вы едва ли найдете, это французская книга. На ее корешке написано: «Крювелье. Анатомия нервной системы».

– Вот она, – указала Фелисита. – Она лежит на том же месте, куда вы ее положили. Я не беру в руки ваших книг.

Профессор быстро повернулся к молодой девушке и посмотрел ей прямо в лицо.

– Вы знаете французский язык? – быстро спросил он.

Фелисита испугалась – она себя выдала. Она не только понимала, но и свободно говорила по-французски: старая дева выучила ее. Необходимо было говорить правду, эти стальные глаза не отрываясь смотрели ей в лицо и раскрыли бы ложь.

– Да, я брала уроки, – ответила она.

– Ах да, я и забыл – до девяти лет. Значит, вы не все еще забыли?

Фелисита молчала.

– Вас воспитывали прежде иначе, – продолжал профессор, – но у моей матери и у меня были на это свои взгляды. Поэтому-то вы и презираете нас как своих мучителей, не так ли?

Одно мгновение Фелисита боролась с собой, но раздражение победило, и она холодно ответила:

– У меня для этого достаточно причин.

Брови Иоганна нахмурились, но затем он, вероятно, вспомнил те упрямые и нелюбезные ответы, которые ему, как врачу, часто приходилось спокойно выслушивать от нетерпеливых пациентов. Поэтому он спокойно ответил:

– Вы более чем откровенны! Вы очень дурного мнения о нас, но мы сумеем утешиться.

Он снова принялся за письма, и Фелисита удалилась. Когда она подошла к открытой двери, взгляд читавшего последовал за ней. Холл был залит солнечным светом, и фигура девушки выделялась на нем, как картина на золотом фоне. Ее формам не доставало еще округленности, присущей окончательно развившейся женской красоте, но линии были мягки, а движения очень грациозны. Удивительнее всего были, однако, волосы.

Они всегда казались каштановыми, но под солнечными лучами приобрели оттенок красноватого золота.

Профессор снова наклонился над работой, но течение его мыслей нарушилось. Он недовольно потер лоб, выпил стакан воды, но напрасно. Наконец он рассердился, бросил перо на стол, взял шляпу и спустился с лестницы. Перо лежало не на своем месте и не было аккуратно вытерто. До педантизма аккуратный ученый проявил рассеянность.

– Мама, – сказал профессор, заходя по дороге к матери, – пожалуйста, не посылай мне больше с поручениями девушку, предоставь это Генриху, а если его не будет дома, то я могу и подождать.

– Видишь, – торжествуя ответила госпожа Гельвиг, – ты уже через три дня не можешь больше выносить ее физиономии, а меня заставил терпеть ее около себя девять лет.

Сын молча пожал плечами.

– Ведь уроки, которые она брала до смерти отца, окончились с поступлением ее в городское училище? – спросил он.

– Что за глупые вопросы, Иоганн! – рассердилась госпожа Гельвиг. – Я и подробно писала тебе об этом, и говорила.

– А какие знакомства были у нее?

– Знакомства? Да, в сущности, только Фридерика и Генрих, она сама не хотела других... Конечно, я не могла терпеть ее за своим столом и в своей комнате. Она ведь стала между твоим отцом и мной, всегда была нетерпима и высокомерна. Я предложила ей познакомиться с дочерьми некоторых верующих ремесленников, но она, как ты знаешь, заявила,

что не желает иметь никакого дела с этими людьми, что это волки в овечьих шкурах и т. д. За эти восемь недель, которые ты сам себе навязал, увидишь еще и не такие штуки!

Профессор отправился на прогулку.

В тот же день госпожа Гельви́г пригласила некоторых дам пить в саду кофе после обеда, а так как Фридерика заболела, то послали Фелиситу. Она быстро справилась со своими обязанностями. На большой площадке, защищенной высокой стеной из тисов, был поставлен красиво убранный стол, а в кухне домика кипела вода. Молодая девушка облокотилась на подоконник и задумчиво смотрела в сад. Все благоухало, зеленело и цвело. Когда-то это же солнце так же ярко светило и для того, чье горячее доброе сердце обратилось теперь в прах, чья рука всем приносила помощь. Здесь он спасался сам и спасал маленькую сиротку от уничтожающих взглядов и злого языка жены, и не только летом. Весна еще боролась с зимой, а здесь, в белой кафельной печке, уже трещал огонь; пушистый ковер грел ноги, кусты прижимали свои покрытые почками ветви к оконным стеклам. Милые воспоминания!

Приближающиеся шаги спугнули печальные мысли Фелиситы. Она видела в окно профессора, вошедшего в сад в сопровождении другого господина. Они медленно направлялись к домику. С некоторых пор господин Фрак довольно часто приходил к госпоже Гельви́г. Это был сын очень почтенных людей, друживших с семьей Гельви́гов. Ровесник профессора, он вместе с ним получил образование, и, несмотря на полное различие характеров и взглядов, они всегда были дружны. Иоганн Гельви́г почти тотчас же по окончании университета вступил на кафедру, а молодой Франк отправился путешествовать. Только недавно, уступая желанию родителей, он сдал экзамен на юриста. Теперь он был адвокатом в родном городе и ждал появления клиентов.

Он вынул изо рта погасшую сигару, посмотрел на нее и отшвырнул. Профессор достал свой портсигар и предложил ему.

– Боже упаси! – воскликнул адвокат с комическим жестом. – Мне не приходит и в голову причинять ущерб бедным язычникам в Китае и еще бог знает где.

Профессор улыбнулся.

– Насколько я тебя знаю, – продолжал Франк, – ты предназначаешь себе три сигары в день, но всегда выкуриваешь только одну, а стоимость двух остальных кладешь в свою копилку на миссионерское дело.

– Да, я еще сохранил эту привычку, – подтвердил со спокойной улыбкой профессор, – но эти деньги имеют другое назначение – они принадлежат моим бедным пациентам.

– Не может быть!.. Ты, ярый поборник набожных устремлений, вернейший из учеников нашего рейнского деспота? Так-то ты следуешь его учениям?

Профессор пожал плечами.

– Врач учится иначе думать о человечестве и об обязанностях отдельных людей по отношению к нему, – сказал он. – Я никогда не упускал из виду великой цели – стать действительно полезным, но чтобы добиться этого, пришлось многое забыть и оставить.

Они прошли дальше, и их голоса затихли, но вскоре они вернулись под группу акаций, ветви которых бросали тень на пробегавшую мимо дома дорожку.

– Не спорь! – снова услышала Фелисита оживленный голос профессора. – Так же, как и прежде, я отчаянно скучаю или сержусь в женском обществе, а мое знакомство как врача с так называемым прекрасным полом вовсе не способствовало улучшению моего мнения о нем.

– Очень понятно, что ты скучаешь в женском обществе, – возразил Франк. – Ты ведь всегда ищешь простодушия, чтобы не сказать глупости... Ты ненавидишь современное женское воспитание. Я тоже не сторонник бессмысленной игры на рояле и пустой французской болтовни, но не следует заходить слишком далеко... Вы хотите засадить женщину и в наше время за средневековую прялку, заставить ее жить в обществе прислуги – это не только

несправедливо, но и глупо. В руках женщины находятся души ваших сыновей в то самое время, когда они наиболее восприимчивы. Приучите женщин к серьезному мышлению, расширьте тот круг, который вы называете женским призванием, и вы увидите, что тщеславие и слабохарактерность исчезнут.

– Милый друг, на этот путь я никогда не вступлю! – насмешливо сказал профессор.

– Я знаю, ты думаешь, что всего этого можно достигнуть без труда при благочестивой жене... Мой уважаемый профессор, я тоже не хотел бы иметь неблагочестивую подругу жизни; женщина без благочестия – это все равно что цветок без аромата. Но берегитесь! Вы думаете, что она благочестива, заботлива и хорошо воспитана, вы даете ей полную свободу – и вдруг в вашем доме водворяется такая тирания, какой вы никогда бы не снесли от менее благочестивой жены. Под прикрытием благочестия вырастают все дремлющие в женском характере дурные наклонности. Ведь и во имя Господа можно быть жестокой, мстительной, высокомерной и в слепом фанатизме проклинать и разрушать все прекрасное.

– Ты заходишь слишком далеко. Впрочем, мне это безразлично, наука совершенно заполняет мою жизнь...

– Ну, а та? – прервал его адвокат, указывая на вход в сад, где появилась советница в сопровождении своего ребенка и госпожи Гельвиг. – Разве она не воплощение твоего идеала? Проста, всегда одета в белую кисею, которая, к слову сказать, ей очень идет, благочестива – в этом не усомнится тот, кто увидит ее в церкви с устремленными кверху прекрасными глазами. Она презирает всякое знание и мышление, так как оно могло бы помешать ходу ее вязания или вышивания; она – вполне приличная партия, так как равенство, по-твоему, необходимо для хорошего брака. Словом, все указывает на нее, как на ту...

– Ты зол и всегда не любил Адели, – прервал его раздраженно профессор. – Боюсь, это потому, что она дочь человека, который так строго воспитывал тебя... Она добродушна, безобидна и прекрасная мать.

Он направился к медленно приближавшимся дамам и любезно поприветствовал их.

XIV

Вскоре на площадке появились гости, большей частью одетые в светлую кисею и газ. Темные прямые стволы тисов служили прекрасным фоном для этих грациозных женщин. Все приглашенные сгруппировались около стола и принялись за рукоделие.

По знаку госпожи Гельвиг Фелисита принесла на подносе кофе.

– Мой девиз: «Просто и дешево», – весело говорила советница. – Я принципиально не ношу летом материи, которая стоила бы дороже трех талеров.

– Но вы забываете, милая, – ответила ей молодая, очень нарядная дама, бросая злобный взгляд на «простое» платье, – что на этой дешевой материи масса прошивок и вышивок, стоящих раза в три дороже всего остального материала.

– Разве можно оценивать такое воздушное создание прозаическими талерами? – спросил молодой Франк, забавляясь враждебными взглядами, которыми обменялись дамы. – Можно подумать, что такие туалеты могли бы вознести дам на самое небо, если бы не тяжелые золотые браслеты, которые несомненно удержали бы их на земле.

Он с интересом смотрел на руку советницы.

– Знаете, – продолжал он, – этот браслет занимает меня уже с полчаса. Это чудная, старинная работа. Но особенно возбуждает мое любопытство надпись в венке.

Советница равнодушно сняла браслет и передала его молодому человеку. Фелисита стояла в это время сзади адвоката и видела, что этот браслет был до мельчайших подробностей похож на тот, который был спрятан в секретном ящике старой девы.

Адвокат быстро прочитал надпись на браслете:

daz ir liebe ist âne krane
Die hât got zesamme geben
ûf ein wûnneclichez leben!

– Странно, – воскликнул он, – строфа не имеет начала... Ах, это ведь отрывок из стихотворения Ульриха фон Лихтенштейна «Вечная любовь». Перевод всей строфы будет приблизительно следующий: «Если вы любите друг друга сердечно, если вы навеки соединились и ваша любовь всегда нова, верьте, что Бог соединил вас на счастливую жизнь!» Этот браслет имеет, несомненно, верного товарища, связанного с ним началом строфы, – заметил он. – Другой браслет не у вас?

– Нет, – ответила советница, склонившись над работой, пока браслет переходил из рук в руки.

– А откуда у тебя эта замечательная вещица, Адель? – спросил профессор.

Молодая женщина покраснела.

– Папа подарил мне ее недавно, – ответила она. – Уж не знаю, у какого любителя древностей он ее нашел.

Она надела браслет и заговорила с одной из присутствующих дам.

В то время как всеобщее внимание было обращено на браслет, Фелисита обошла стол. Никто не обратил на нее внимания, и она так же незаметно ушла в кухню. Уступая просьбам маленькой Анны, игравшей на тенистой дорожке, она на минуту остановилась и старалась достать ветку акации. Близорукий адвокат вдруг схватил свой лорнет и принялся разглядывать Фелиситу, а советница, которая, казалось, прилежно вышивала, зорко следила за ним. Немного спустя она тихо поднялась и вошла в дом, где скрылась Фелисита.

– Милая Каролина, – сказала она, входя в кухню, – вам нет надобности прислуживать... Налейте в кофейник горячий кофе, а я сама займусь разливанием. По правде говоря,

вы ужасно выглядите в этом полинявшем ситцевом платье. Как вы можете показываться мужчинам в этой короткой, ужасной юбке? Это просто неприлично. Неужели вы не чувствуете этого?

На Фелисите было ее лучшее воскресное платье, полинявшее, но безукоризненно выстиранное и отглаженное. Упрек за то, чему она молча покорялась, заставил девушку горько усмехнуться, но она промолчала.

Когда советница вернулась к столу, госпожа Гельвиг с резким смехом повторила свой вопрос:

– Удивительно красива? Что должна я подумать о вас, милый Франк? Всмотритесь в это бледное лицо с ужасными волосами. Эти вызывающие манеры и легкомысленные движения, эти глаза, смотрящие бесстыдно и назойливо прямо в лицо приличным людям, – это наследство порочной, необузданной матери. Девять лет я тщетно старалась спасти эту душу для Господа...

– Теперь ведь недолго уж осталось терпеть, тетя! – успокоительно сказала советница, наливая кофе. – Еще несколько недель – и она покинет твой дом навсегда... Я тоже думаю, что доброе семя упало на каменистую почву, – в этой неблагодарной душе, стремящейся сбросить узы морали и добрых нравов, наверное, нет ни одной благородной черты. Впрочем, нам, имеющим счастье происходить от нравственных родителей, не следует судить ее слишком строго – легкомыслие у нее в крови... Быть может, во время одного из ваших путешествий, господин Франк, – шутливо обратилась она к адвокату, – вы будете где-нибудь любоваться ею – на канате или в цирке.

– Это на нее не похоже, – внезапно сказал спокойным, но решительным тоном профессор.

Госпожа Гельвиг гневно повернулась к сыну, а глаза молодой вдовы утратили на мгновение свою неизменную кротость. Затем она, добродушно улыбаясь, встряхнула кудрявой головкой и хотела что-то сказать, но ей помешал громкий плач Анхен. Девочка бежала к матери с судорожно зажатой коробкой спичек в правой руке. Платьице ребенка пылало... Советница в ужасе вскрикнула. Ее взгляд скользнул по собственному легкому платью, и, как безумная, со смертельно бледным лицом она протянула вперед руки, как бы желая оттолкнуть ребенка, и одним прыжком исчезла за стеной тисов.

Дамы с криком разбежались во все стороны, как испуганная стая голубей. Одна госпожа Гельвиг мужественно поднялась с места, да бросились вперед мужчины. Но они опоздали. Фелисита завернула в свою юбку ребенка и старалась потушить пламя, но оно было слишком велико, и тонкая ситцевая юбка молодой девушки загорелась. Не теряя присутствия духа, она схватила девочку на руки, пробежала по лугу на плотину и прыгнула в ручей.

Раньше, чем мужчины поняли намерение убежавшей девушки, огонь был уже потушен. Они вступили на плотину в ту минуту, как Фелисита, держа на правой руке мокрого ребенка, схватилась левой за ветви орешника, чтобы выйти на берег. Одновременно с мужчинами появилась и советница.

– Мое дитя, спасите мою Анхен! – закричала она с отчаянием.

– Не замочи себе ботинки, Адель, а то заработаешь насморк, – сказал профессор с едкой иронией, быстро спускаясь и протягивая Фелисите руки, но он медленно опустил их – совершенно спокойное до тех пор лицо молодой девушки вдруг изменилось, между бровями легла глубокая складка, и глаза метнули уже знакомый Иоганну холодный враждебный взгляд. Фелисита подала ему маленькую Анну и вскочила на плотину, опираясь на руку адвоката.

Профессор отнес ребенка в дом и осмотрел его ожоги – пострадала только левая рука. В то время как советница была в кухне, девочка незаметно взяла с плиты спички и, зажигая их в саду, подожгла свое платье.

Разбежавшиеся дамы собрались снова и осыпали ласками «бедного ангела».

– Милая Каролина, – сказала советница с кротким упреком, – неужели вы не могли присмотреть немного за ребенком?

– За несколько минут до того вы запретили мне выходить из дома, – мрачно возразила Фелисита, бросая на молодую женщину проницательный взгляд.

– Почему это, Адель? – удивленно спросила госпожа Гельвиг.

– Боже мой, тетя, – не смущаясь, ответила вдова, – ты поймешь это, если посмотришь на ее волосы. Я хотела избавить всех нас от того дурного впечатления, которое производит неряшливость.

Фелисита растерянно схватилась за голову: гребень, никогда не сидевший крепко в этих густых, упрямых волосах, выскользнул и лежал, вероятно, в ручье. Распушенные локоны окружали сиянием щеки и плечи девушки, еще осыпанные водяными каплями.

– Так-то вы благодарите за спасение вашего ребенка? – резко спросил адвокат, не спускавший глаз с Фелиситы.

– Как вы можете быть так несправедливы ко мне, господин Франк! – обиженно воскликнула советница. – Мужчина никогда не поймет материнского сердца. В первую минуту невольно сердиться на того, кто мог бы предотвратить опасность, хотя и признаешь с благодарностью, что эта небрежность искуплена спасением... Дорогая Каролина, – обратилась она к молодой девушке, – я никогда не забуду сегодняшнего дня... Если бы я могла сейчас доказать вам свою благодарность! – Она быстро сняла с руки браслет и протянула его Фелисите. – Возьмите этот браслет, он мне очень дорог, но за жизнь моей Анхен я с радостью пожертвую самым любимым!

Глубоко оскорбленная Фелисита оттолкнула руку советницы, хотевшей надеть ей на руку браслет.

– Благодарю вас, – сказала она, гордо откинув голову, – я никогда не приму вознаграждения за любовь к ближнему, а тем более – жертву... Вы сами сказали, что я только искупила свой недосмотр, и потому вы мне ничем не обязаны.

Госпожа Гельвиг почти вырвала у советницы браслет.

– Ты с ума сошла, Адель! – проворчала она сердито. – Что ей делать с этой вещью? Подари ей простой, прочной материи на платье, вот и все!

– Я нахожу, что мы все жестоко относимся к вам, – сказал Фелисите Франк. – Сначала вас оскорбили, предложив вам золото, а затем мы равнодушно оставляем вас в мокром платье... Я побегу в город и вышлю вам и малютке все необходимое.

Он поклонился и вышел.

– Дурак! – раздраженно сказала госпожа Гельвиг, обращаясь к дамам, с сожалением посмотревшим вслед Франку.

Профессор, занятый ребенком, не проронил ни слова; но с того момента, как советница предложила молодой девушке браслет, он сильно покраснел... Наконец он предоставил завернутую в плед девочку нежным рукам дам и направился к двери. Фелисита ушла в угол и прислонилась к стене; мертвенная бледность лица, нахмуренные брови и сжатые губы ясно показывали, что она испытывала сильную боль от обожженной руки. Взор профессора остановился на молодой девушке, и через мгновение он стоял перед ней.

– Вам очень больно? – быстро спросил он.

– Я могу терпеть, – ответила Фелисита дрожащими губами и отвернулась к окну – она не могла видеть эти глаза, столь ненавистные ей с детства.

– Вы не хотите принять моей помощи? – доброжелательным тоном спросил он.

– Я не хочу вас утруждать, – ответила девушка. – Я вылечу себя сама, как только мы вернемся в город.

– Как хотите, – холодно сказал профессор. – Но я должен вам напомнить, что моя мать еще нуждается в вас.

– Я этого не забыла, – ответила она менее раздраженно. Она почувствовала, что это напоминание о ее обязанностях было сделано не с целью ее унижить, а чтобы заставить ее принять его помощь. – Я отлично помню наш договор, – добавила она, – и вы до последней минуты найдете меня на указанном мне месте.

– Твоя медицинская помощь понадобилась и здесь, Иоганн? – спросила, подходя, советница.

– Нет, – ответил он коротко. – Но что ты тут делаешь, Адель? Я ведь сказал, что Анну нужно сейчас же вынести на свежий воздух. Не понимаю, что ты делаешь в этой душной комнате!

Профессор вышел, и советница поторопилась взять ребенка на руки, за ней последовали и дамы. За кофейным столом давно уже сидела госпожа Гельвиг. Опасность, угрожавшая двум человеческим жизням, не могла нарушить ее равновесия, основанного на стальных нервах и черствой душе.

Наконец явились Генрих с одеждой и Роза. Госпожа Гельвиг позволила Фелисите вернуться в город. Девушка знала, что у тети Кордулы есть хорошая мазь от ожогов, и поспешила к ней, оставив Генриха сторожить дом.

Пока испуганная старая дева доставала мазь и перевязывала пострадавшую руку, Фелисита рассказала обо всем случившемся, не упомянув, однако, о браслете. Когда старая дева спокойно заметила, что ей не следовало отказываться от врачебной помощи, она воскликнула:

– Нет, тетя! Эта рука не должна прикасаться ко мне, даже если бы она могла спасти меня от смертельной опасности! Тот класс людей, из которого я происхожу, ему ведь «невыразимо противен». Эта фраза тяжело ранила мое детское сердце – я ее никогда не забуду! Долг врача заставил его сегодня преодолеть то отвращение, которое он питает к парии, – я не хочу его жертв!

– Он не бессердечен, – продолжала она после паузы, – я знаю, что он отказывает себе в удовольствиях ради своих бедных пациентов. Если бы это делал кто-нибудь другой, я была бы тронута до слез, но у него это меня только возмущает... Это неблагородно, тетя, но я ничего не могу поделать, мне тягостно и неприятно видеть у него что-нибудь хорошее, потому что я ненавижу его.

Затем Фелисита впервые пожаловалась на бессердечное поведение молодой вдовы. Станный румянец снова появился на щеке старой девы.

– Неудивительно, она ведь дочь Павла Гельвига! – сказала она, и в этих словах послышался строгий приговор. Фелисита была удивлена. Никогда тетя Кордула не выказывала своего отношения к кому-либо из Гельвигов. Известие о прибытии советницы она приняла молча и, по-видимому, совершенно безучастно, так что Фелисита подумала, что родственники на Рейне никогда не были близкими тете Кордуле.

– Госпожа Гельвиг называет его избранником Божиим, неутомимым борцом за святую веру – сказала, колеблясь, молодая девушка. – Говорят, что он строго верующий человек...

Фелисита взглянула на тетю Кордулу и испугалась: выражение бесконечной горечи и презрения придало этому обычно спокойному и милому лицу совершенно не свойственное ему выражение. Она засмеялась тихим, но хриплым и язвительным смехом. Через минуту она, однако, постаралась сгладить впечатление, произведенное на молодую девушку.

На большом круглом столе посреди комнаты лежали папки с нотами. Фелисита очень хорошо знала лежавшие вокруг листы и тетради. Там, на толстой пожелтевшей бумаге, выцветшими чернилами и подчас очень неразборчивыми каракулями были написаны имена Генделя, Глюка, Гайдна, Моцарта. Это было собрание рукописей знаменитых композиторов,

принадлежавшее тете Кордуле. Когда Фелисита вошла в комнату, старушка разбирала эти бумаги. Теперь она снова принялась за работу, осторожно складывая бумаги в папки. Стол постепенно пустел, и показалась лежавшая внизу толстая нотная тетрадь, на обложке которой было написано: «Музыка к оперетке Иоганна Себастьяна Баха „Мудрость властей при устройстве пивоварения“».

– Ты ведь этого еще не знаешь? – спросила она с печальной улыбкой. – Эта рукопись пролежала много лет в верхнем отделении моего секретного шкафа. Сегодня утром в моей старой голове бродили разные мысли, и я подумала, что надо привести все в порядок до последнего странствия. Это единственный существующий экземпляр – со временем он будет цениться на вес золота, милая Фея. Текст этой оперетки, написанной специально для нашего города, был найден лет двадцать тому назад и возбудил большой интерес в музыкальном мире. А музыка, которую все еще ищут, хранится здесь. Эти мелодии представляют для музыкантов нечто вроде клада нибелунгов, тем более потому, что это единственные собственно оперные мелодии, сочиненные Бахом. В 1705 году ученики здешней земской школы и горожане поставили эту оперетку в старом зале ратуши.

Она перевернула заглавный лист, на оборотной стороне его было написано: «Собственно-нотная партитура Иоганна Себастьяна Баха, полученная от него на память в 1707 году. Готгельф ф. Гиршпрунг».

– Он тоже участвовал, – сказала старуха слегка дрожащим голосом, указывая на последнее имя.

– А как эта тетрадь попала в твои руки, тетя?

– По наследству, – коротко и почти резко ответила тетя Кордула, убирая партитуру в красную папку.

Старая дева открыла рояль, а Фелисита вышла на галерею... Солнце заходило. Маленькая деревушка у подножия горы была уже в тени, но на шпиле колокольни горел еще последний луч, а через широко открытые двери домов виднелись затопленные очаги... Вечерний покой охватывал землю, и на его фоне еще трогательнее звучал похоронный марш Бетховена, но после нескольких аккордов Фелисита испуганно подняла голову и со страхом заглянула в комнату – это была не игра уже, а умирающий шепот звуков, и молодую девушку вдруг охватило тяжелое предчувствие: руки, скользившие по клавишам, смертельно устали, и в извлекаемых ими звуках слышалось трепетание души, стремившейся улететь навеки.

XV

Ночью у ребенка началась сильная лихорадка, а Фелисита проснулась с головной болью. Несмотря на это, она с обычной точностью исполняла свои обязанности.

После обеда профессор вернулся домой. Он только что провел глазную операцию, на которую не решался ни один врач. Его осанка и походка были спокойны как всегда, но глаза необыкновенно блестели. Он остановился у двери, ведущей во двор, и спросил проходившую с ведром воды Фридерiku о том, как она себя чувствует.

– Я здорова, господин профессор, – ответила она. – А вот Каролине вчерашнее купание не прошло даром. Я глаз не могла сомкнуть ночью, так сильно она бредила...

– Вы должны были раньше сказать об этом, Фридерика, – строго прервал ее профессор.

– Я и сказала барыне, но она ответила, что все пройдет. Для этой девушки никогда еще не звали доктора – сорная трава не погибает, господин профессор. Если и обращаться с ней хорошо, так это ничуть не поможет, – добавила она, увидев, что лицо Иоганна омрачилось. – Она была с детства упрямым существом и держалась всегда в стороне, точно принцесса. Когда я жарила или пекла что-нибудь вкусное, я давала ей немножко, но она никогда не дотрагивалась. Так она поступала еще ребенком... А с тех пор как умер барин, она ни разу не ела досыта. Я своими ушами слышала, как она говорила Генриху, что когда она оставит наконец этот дом, то будет работать до кровавого пота и каждый заработанный грош будет посылать барыне, пока не уплатит за каждый кусок хлеба, который она съела в этом доме.

Старая кухарка не заметила, что во время ее рассказа кровь все более прилиwała к лицу Иоганна. Когда она кончила, он, ничего не ответив, направился к большому окну комнаты, в которой спали Фридерика и Фелисита. Она сидела у окна, положив голову на руку. Ее чистый профиль, печально опущенные уголки рта и закрытые глаза выражали невинное спокойствие и страдание.

Профессор тихо подошел и с минуту смотрел на нее, затем мягко и с состраданием сказал:

– Фелисита!

Она вскочила и посмотрела на него, будто не веря ушам, и вся ее фигура приняла такое выражение, точно она ожидала встречи с врагом.

– Фридерика сказала мне, что вы нездоровы, – произнес профессор обычным спокойно-ласковым тоном врача.

– Я чувствую себя лучше, – ответила она. – Покой лучше всего действует на меня.

– Гм... однако ваш вид... – он не закончил фразы и хотел взять ее руку.

Фелисита отступила вглубь комнаты.

– Будьте благоразумны! – сказал профессор серьезно, и его брови мрачно нахмурились, когда девушка не шевельнулась. – Иначе мне придется говорить не как врачу, а как опекуну. Приказываю вам сейчас же подойти ко мне!

Она вспыхнула, но не подняла ресниц, медленно подошла и молча протянула ему руку, которую он нежно взял. Эта узкая, маленькая, но огрубевшая от работы рука так сильно дрожала, что на лице профессора мелькнуло глубокое сострадание.

– Неразумный, упрямый ребенок, опять вы заставили меня обойтись с вами строго! – сказал он мягко. – А я бы хотел, чтобы мы расстались без вражды... Неужели вы не можете смотреть на меня и на мою мать иначе, как с непримиримой ненавистью?

– Что посеешь, то и пожнешь! – глухо ответила Фелисита. Она смотрела на пальцы, державшие ее руку, с таким ужасом, будто это было раскаленное железо.

Профессор быстро выпустил ее руку. Выражение кротости и сострадания исчезло с его лица, он сердито ударил палкой по траве, выросшей между камнями. Фелисита вздохнула

свободнее: таким резким и суровым он и должен был быть, его сострадание приводило ее в ужас.

– Все тот же упрек, – холодно сказал наконец профессор. – Может быть, ваша непомерная гордость часто страдала, но приучить вас к невзыскательности было нашим долгом. Я могу спокойно относиться к вашей ненависти, так как всегда желал вам только добра. Не буду оспаривать, что заслужить любовь моей матери трудно, но она справедлива, и ее благочестие не допустило бы ее причинять вам горе. Вы собираетесь стать на ноги и выйти в свет, но для этого в вашем положении нужна прежде всего покорность... Как вы будете жить с вашими ложными понятиями, которых вы так упрямо держитесь?

Она подняла ресницы и спокойно посмотрела на него.

– Если вы мне докажете, что мои взгляды противны нравственности и разуму, то я охотно откажусь от них, – сказала она. – Ни один человек, кто бы он ни был, не имеет права обрекать других на духовную смерть только потому, что эти другие низкого происхождения. У такого несчастного существа, как я, принужденного жить среди бездушных людей, нет иного оружия, кроме сознания, что оно также дитя Господне. Для Него не существует ступеней и рамок человеческого общества – это человеческие выдумки, и чем мельче и ничтожнее душа, тем сильнее она придерживается их.

Фелисита медленно повернулась и исчезла за дверью. Профессор неподвижно смотрел ей вслед, затем надвинул шляпу на лоб и направился к дому. Неизвестно, что происходило в этой опущенной голове, но глаза потеряли свой блеск.

В сенях дома адвокат Франк разговаривал с Генрихом.

– Ну, профессор, у тебя и в своем доме есть пациенты? – спросил молодой человек, здороваясь с Иоганном. – Я слышал, что вчерашнее происшествие не прошло бесследно, и у ребенка...

– У ребенка сильная лихорадка, – сухо закончил профессор. Очевидно, он не хотел вдаваться в подробности.

– Ах, господин профессор, это бы еще ничего, – сказал Генрих. – Ребенок и так уж болен и по целым дням пищит, но когда такая девушка, как Фея, у которой никогда ничего не болит, вдруг повесила голову, тогда поневоле страх возьмет.

– Что-то я не заметил этого! – резко возразил профессор. – Можешь быть спокоен, Генрих, эта голова сидит крепче, чем всякая другая.

Он поднялся с адвокатом по лестнице. На верхних ступеньках им попалась навстречу Анхен – в одной рубашечке и босая.

– Мамы нет, Розы нет, Анхен хочет пить, – сказала она профессору. Тот испуганно взял ее на руки и отнес в спальню – никто не показывался. Он сердито позвал прислугу. Дальняя дверь отворилась, и Роза прибежала с красным лицом и утюгом в руках.

– Где вы пропадаете? Как вы могли оставить ребенка одного? – закричал Иоганн.

– Ах, господин профессор, не могу же я разорваться, – возразила девушка, чуть не плача от досады. – Барыне непременно нужно выгладить платье, и если бы вы знали, сколько работы с таким платьем! Барыня сказала, что у Анхен легкая простуда и она отлично может остаться на полчаса одна.

– А где же сама барыня? – резко перебил ее профессор.

– Барыня пошла с госпожой Гельвиг в миссионерское общество.

– Так! – отрезал возмущенный профессор. – Идите и кончайте ваши тряпки! – приказал он и позвал Фридрику. Старая кухарка месила в это время тесто и послала Фелиситу.

Румянец внутреннего волнения еще лежал на ее щеках, но глаза холодно и серьезно скользнули по взволнованному лицу профессора. Она спокойно остановилась и молча ожидала его приказаний. Профессору понадобилось немалое усилие, чтобы заговорить с ней.

– Маленькая Анна осталась без присмотра. Не согласитесь ли вы побыть с нею, пока вернется ее мать? – спросил он наконец.

– С удовольствием, – ответила молодая девушка, – но дело в том, что госпожа советница не любит, чтобы ребенок оставался со мной. Если вы возьмете ответственность на себя, я согласна.

– Хорошо.

Она вошла в спальню и заперла дверь. Адвокат посмотрел ей вслед блеснувшими глазами.

– Генрих называет ее Феей, – сказал он, поднимаясь с профессором по лестнице на третий этаж. – Как ни странно звучит это имя на его грубом языке, но оно очень подходит ей... Откровенно говоря, я не понимаю, как ты и твоя мать решаетесь приравнять эту девушку к вашей старой кухарке и этой дерзкой горничной?

– Так мы должны были одевать ее в шелк и в бархат? – спросил профессор. Никогда еще его друг не видел его таким раздраженным. – И если у старого Гельвига не было дочери, то, по-твоему, ее место и могла бы занять эта «Фея» или, вернее, «Сфинкс»?... Ты всегда был мечтателем! А впрочем, в твоей воле сделать дочь фокусника госпожой Франк – мое опекуновское благословение ты получишь!

Адвокат покраснел, а затем с улыбкой обернулся к профессору.

– Едва ли только она будет нуждаться в твоём опекуновском благословении. Пришлось бы ждать ее собственного решения, – сказал он с легкой насмешкой. – Если ты думал оскорбить мой слух словами «дочь фокусника», то ты жестоко ошибся, мой многоуважаемый профессор... Конечно, ты со своими правилами не мог бы решиться на что-либо подобное без значительного нервного потрясения. Дитя фокусника с его горячим сердцем и холодная кровь честных негоциантов, размеренно текущая по твоим венам, – несоединимы, все твои предки перевернулись бы в гробах.

Профессор не обратил внимания на насмешку. Он скрестил руки на груди и прошелся несколько раз по комнате.

– Их жизнь была безукоризненна, – сказал он, останавливаясь. – Я не думаю, чтобы каждый из них мог сохранить свое достоинство без искушений и внутренней борьбы. Человеческая натура упорнее всего сопротивляется обычно именно там, где она должна была бы покоряться... Все эти жертвы были фундаментом для солидной постройки, которая называется «домом Гельвигов». Неужели же эти жертвы для того были принесены, чтобы явился потомок и одним взмахом разрушил все здание?

Казалось, этими словами он решал какой-то свой внутренний конфликт.

Фелисита около полудня сидела уже у постели ребенка, когда вернулась советница. Ее лицо омрачилось при взгляде на молодую девушку.

– Как вы попали сюда, Каролина? – резко спросила она. – Я вас не просила о такой услуге!

– Но я просил! – сурово сказал профессор, внезапно появившийся на пороге. – Твоя девочка нуждалась в присмотре, я встретил ее босую на лестнице.

– Не может быть! И ты могла быть такой непослушной, Анхен?...

– Неужели ты не понимаешь, Адель, кто заслуживает упрека в данном случае? – спросил профессор, все еще сдерживаясь, но в его голосе слышался гнев.

– Боже мой, эта Роза невозможна! Ей решительно нечего больше делать, кроме присмотра за ребенком, но как только отвернешься – она уж глазеет в окно или стоит перед зеркалом...

– По случайности сейчас она стоит перед гладильной доской и в поте лица своего гладит платье, которое тебе во что бы то ни стало нужно надеть завтра утром, – прервал ее с язвительной насмешкой профессор.

Советница испугалась. На мгновение лицо ее выразило замешательство, но она быстро оправилась.

– Какие глупости! – воскликнула она, недовольно наморщив белый лоб. – Значит, она совершенно не поняла меня, как это с ней часто бывает.

– Хорошо, – прервал ее профессор, – предположим, что произошло недоразумение. Но как же ты могла доверять ей своего больного ребенка, раз не можешь на нее положиться?

– Иоганн, меня призывал святой долг! – ответила молодая вдова, поднимая к небу свои красивые глаза.

– Твой самый святой долг – долг матери! – гневно воскликнул профессор. – Я послал тебя сюда единственно из-за ребенка, а вовсе не для того, чтобы ты принимала участие в миссионерских делах.

– Ради Бога, Иоганн, если бы тебя услышала тетя или мой папа... Ты думал прежде иначе.

– Прекрасно... Но мы должны обращать все наши силы прежде всего на ту почву, на которую нас поставило Провидение. И если бы ты могла на Страшном суде перечислить Вечному Судье сотню спасенных тобой от язычества душ, это ни на йоту не уменьшило бы твоей вины в том, что из-за этого ты погубила своего ребенка.

Лицо советницы пылало. Она постаралась вернуть себе самообладание и обычную кротость, и это ей удалось.

– Не будь так строг ко мне, Иоганн! – просила она. – Подумай о том, что я слабая женщина, но что я всегда желаю только добра... Если я и сделала ошибку, то главным образом из любви к твоей милой маме, желавшей, чтобы я ее сопровождала... Конечно, это больше не повторится.

Советница проговорила это своим мягким голосом и, мило улыбаясь, протянула профессору руку. Тот покраснел, как молодая девушка, и, вероятно, сам не сознавая этого, быстро и робко взглянул на ту, которая сидела с опущенными глазами у постели ребенка. Он нерешительно взял протянутую руку и тотчас же выпустил ее... Голубиные глаза, неотступно смотревшие ему в лицо, сверкнули, лицо побледнело, но кротость была сохранена. Молодая женщина нежно поцеловала своего ребенка.

– Теперь я могу остаться у Анхен. Благодарю вас, милая Каролина, что вы заменили меня, – сказала она ласково.

Молодая девушка встала, но девочка расплакалась и крепко схватила своими ручонками ее руку.

Профессор пощупал пульс ребенка.

– У нее сильный жар, и я не могу допустить, чтобы она волновалась, – сказал он Фелисите. – Может быть, вы останетесь тут, пока она не заснет?

Девушка молча села, и профессор вышел. В то же время советница, хлопнув дверью, ушла в свою комнату. Фелисита слышала, как она ходила там быстрыми шагами. Затем послышалось, как будто там рвали материю. Анхен приподнялась, прислушалась и задрожала.

– Мама, Анхен будет послушна, она не сделает этого больше! – закричала девочка.

В это время в комнату вошла Роза.

– Опять рвет что-то, – пробормотала она, обращаясь к Фелисите. – Тише, детка, мама тебе ничего не сделает, она скоро будет опять добрая.

Дверь хлопнула, и советница удалилась. Роза пошла в ее комнату и принесла остатки батистового носового платка.

– Когда она приходит в ярость, так сама не сознает, что делает, – сказала девушка. – Рвет, что под руки попадет, и немилосердно дерется – бедная малютка это хорошо знает.

Фелисита прижала ребенка к груди. Внезапно в сенях раздался голос советницы. Она весело болтала с адвокатом, спускавшимся с лестницы, и когда снова вошла в спальню, то казалась милее и красивее, чем когда-либо.

XVI

Когда Фелисита опять заняла место у постели Анхен, она не думала, что ей придется провести здесь много дней. Девочка сильно заболела и не выносила ни матери, ни Розы. Только профессор и Фелисита могли дотрагиваться до нее и давать ей лекарства. В ее бреду разорванный носовой платок играл большую роль. Профессор с удивлением слушал пугливые возгласы ребенка и не раз приводил советницу в смущение своими настойчивыми вопросами. Но она утверждала, что малютка видела, вероятно, дурной сон.

Фелисита скоро привыкла к своим новым обязанностям, которые сначала были ей в тягость из-за необходимости общаться с профессором. Заботы о жизни ребенка, которые она с ним делила, помогли ей преодолеть неприятности ее положения скорее, чем она надеялась. Профессор, чередуясь с нею, дежурил ночью, но и днем он подолгу находился в комнате больной. Он целые часы терпеливо сидел у постельки и клал руку ребенку на лоб – в этих руках была какая-то успокоительная сила: девочка спала спокойно.

Фелисита молча смотрела на него, стараясь прогнать одолевавшие ее думы. У него были те же неправильные черты лица, тот же выпуклый лоб, аккуратно приглаженные густые волосы, но она напрасно искала того мрачного выражения, которое прежде так старило и безобразило его молодое лицо. Этот лоб как будто распространял мягкий свет, и когда Фелисита слышала, как нежно он уговаривал взволнованного ребенка, она должна была признать, что он ясно сознавал всю святость своего призвания. Он не пожимал холодно плечами перед неизбежными страданиями других, он не одно тело старался спасти от разрушения – и оробевшая душа находила у него поддержку. Но несмотря на эти примиряющие мысли, Фелисита все же говорила себе: «Он чувствует и думает по-человечески, у него есть сострадание к беспомощному положению ближнего – тем больше оснований ненавидеть его имеет дитя комедианта, для которого он всегда был немилосердным угнетателем, пристрастным, несправедливым судьей».

При их ежедневных встречах он ни разу больше не говорил тем мягким тоном, который приводил Фелиситу в такой ужас и против которого она так боролась. Со времени их последнего разговора он был холодно-вежлив, хотя это сказывалось больше в выражении лица, чем в словах, потому что, кроме неизбежных вопросов, он почти не разговаривал с ней. Нелегко ему было справиться с противодействием советницы. Она ни за что не хотела допустить, чтобы вместо нее и Розы у постели больной была Фелисита. Чтобы успокоить ее, понадобилась вся его решимость. Когда у постели больной находился двоюродный брат советницы с Фелиситой, в дверь каждую минуту просовывалась кудрявая головка, которой так боялся ребенок. Каждый вечер советница являлась в нарядном капоте и кружевном чепчике с молитвенником в руках и заявляла, что хочет продежурить ночь у девочки. Один и тот же спор происходил каждый раз между нею и профессором, она повторяла ту же фразу о захвате ее материнских прав и уходила с тихим плачем, чтобы встать утром свежей, как майская роза.

Наступил девятый вечер с тех пор, как Анхен заболела. Она лежала без памяти. Профессор долго сидел у постели, озабоченно опустив голову на сложенные руки. Затем он встал и отозвал Фелиситу в соседнюю комнату.

– Вы не спали прошлую ночь и не отдохали ни минуты, и все-таки я должен просить вас о новой жертве, – сказал он. – Сегодня ночью будет кризис. Я мог бы оставить тут мою двоюродную сестру или Розу, потому что Анхен без памяти, но я нуждаюсь в вашем самопожертвовании и присутствии духа. Можете ли вы не спать и сегодня?

– Да.

– Но это будет трудное время страха и волнений, достаточно ли у вас сил для этого?

– О да, я люблю ребенка и, наконец, я хочу!

– Вы так уверены в силе своей воли? – спросил он почти прежним ласковым тоном.

– Она мне никогда еще не изменяла, – возразила она, и ее взгляд, до того совершенно спокойный, стал вдруг ледяным.

Наступила ночь – тихая, теплая весенняя ночь. Больной ребенок бился в сильнейших судорогах. Профессор сидел у постели и не сводил глаз с Анхен. Он сделал все, что предписывало врачебное искусство и человеческое знание, и теперь должен был ожидать результатов. На башне пробило двенадцать часов. Фелисита вздрогнула: ей показалось, что один из этих мощных ударов должен был унести детскую душу... И действительно, тельце ребенка ослабело, маленькие руки устало упали на одеяло, головка неподвижно лежала на подушках... Профессор наклонился над кроватью. Прошло несколько жутких минут, затем он поднял голову и взволнованно прошептал:

– Я считаю ее спасенной.

Молодая девушка наклонилась над больной и услышала глубокое, спокойное дыхание. Она тихо поднялась, вышла в соседнюю комнату и подошла к открытому окну. Ароматный ночной воздух, к которому примешивался уже предраcсветный холодок, подействовал на нее освежающе. В висках у нее стучало: там, в душной комнате, она была свидетельницей борьбы человека со смертью. Ее нервы были напряжены. Она ничего не слышала, кроме резких вскрикиваний ребенка, и видела только бедное трепещущее тельце и бледное лицо врача, требовавшего взглядом или кивком головы ее помощи.

Профессор вышел из комнаты больной и подошел к Фелисите.

– Анхен спит спокойно, я пробуду с ней до утра. Идите, отдохните.

Фелисита тотчас же отошла от окна и хотела молча выйти.

– Я думаю, сегодня мы не должны разойтись чужими, – тихо сказал он, – за последние дни мы, как два верных товарища, старались отвоевать у смерти человеческую жизнь.

Подумайте об этом, – прибавил он, – через несколько недель мы все равно разойдемся навсегда... Вы победили мое девятилетнее предубеждение против вас, только в одном пункте – в упрямстве и ненависти – вы остались тем же необузданным ребенком, для которого тогда потребовались вся моя твердость и строгость.

Фелисита подошла ближе. Она стояла, освещенная луной, гордо подняв голову, сильно побледневшая, с крепко сжатыми губами, и во всем ее существе чувствовалось что-то непримиримо враждебное.

– Когда вы видите больного, вы ищете причину его болезни, – ответила она, – но вы не захотели узнать причин необузданности человеческой души, которую вы хотели исправить. Вы слепо верили наговорам и впали в такую же ошибку, как если бы вы отнеслись небрежно к больному... Отнимите у человека его идеал, его золотую будущность, о которой он мечтает, и, будь он самым набожным и добродетельным, он никогда не подчинится сразу, а тем более девятилетний ребенок, который только и думал о том дне, когда увидит свою обожаемую мать...

Она остановилась на мгновение, профессор молчал. Только вначале он живо протянул руку, точно хотел ее остановить, но по мере того, как она говорила, он становился все неподвижнее.

– Дядя оставлял меня в счастливом неведении, – продолжала она, – но он умер, а с ним умерло и сострадание в этом доме... В то утро я впервые была на могиле моей матери; я только накануне узнала о ее ужасной кончине, и мне сказали в то же время, что жена комедианта – потерянное существо и что даже милосердный Бог не может терпеть ее присутствие у Себя на небе.

– Почему вы не сказали мне этого тогда? – глухо перебил ее профессор.

– Почему я не сказала вам этого тогда? – повторила она, горько улыбнувшись. – Потому что вы перед тем заявили, что тот класс людей, из которого я происхожу, вам невыразимо противен и что легкомыслие у меня в крови. Хотя я была еще совсем маленькой, но знала, что не найду ни милосердия, ни сочувствия. Да и было ли у вас сочувствие к ребенку комедиантов? – спросила она с горечью. – Пришло ли вам в голову, что существо, которое вы запрягли в рабочее ярмо, имеет свои взгляды? Меня не смущает самая тяжелая работа, но то, что вы хотели сделать меня какой-то машиной и окончательно уничтожить во мне все духовные стремления, которые одни только могут облагораживать трудовую жизнь, – этого я вам никогда не прощу!

– Никогда, Фелисита?

Молодая девушка энергично покачала головой.

– Я должен этому подчиниться, – сказал он со слабой улыбкой. – Я вас смертельно обидел и все-таки повторяю, что не мог действовать иначе. Я должен еще раз затронуть ваше больное место, защищая свою точку зрения. При отсутствии у вас средств и вашем происхождении вы должны сами зарабатывать себе хлеб, и если бы я дал вашему воспитанию другое направление, то это было бы жестоко, так как потом вас заставили бы исполнять тяжелую работу. Неужели вы думаете, что какая-нибудь семья возьмет дочь фокусника в качестве воспитательницы для своих детей? Разве вы не знаете, что человек высшего круга, который захотел бы соединить свою жизнь с вашей, принес бы огромную жертву? Какое унижение для вашего гордого сердца!.. Социальные законы, которыми вы пренебрегаете, многим стоят больших жертв, но они политически необходимы... От меня эти законы также требуют отречения и одинокого жизненного пути...

Он замолчал. Теперь Фелисита проникла в тайну, которая против воли сорвалась с его губ. Без сомнения, он любил женщину, стоявшую, по социальным меркам, выше его. И ей невольно стало как-то тоскливо. Неужели она чувствовала к нему сострадание? Разве можно было жалеть его, когда он сам отказывался от счастья, вместо того чтобы бороться за него?

– Что же, Фелисита, вы не возражаете? Или вы чувствуете себя оскорбленной моим объяснением, которого я не мог избежать?

– Нет, – ответила она холодно. – Это ваше личное убеждение... Вы все равно не поколеблете моего мнения, что есть люди без предубеждений, признающие, что и дочь фокусника может быть честной... Что я должна вам еще сказать?... Вы придерживаетесь точки зрения знатных людей, которые сами приковывают себя цепями, чтобы не упасть, я же принадлежу к презираемому вами классу свободомыслящих... Вы сами говорите, через несколько недель наши дороги разойдутся навсегда... Но и по духу между нами лежит пропасть... Не имеете ли вы каких-нибудь приказаний относительно больной?

Профессор покачал головой, и, прежде чем он успел вымолвить слово, Фелисита покинула комнату.

XVII

Анхен быстро выздоравливала, но Фелисита не была избавлена от обязанностей сиделки. Малютка начинала сердиться и волноваться, как только Фелисита хотела покинуть ее комнату, и советнице пришлось попросить Фелиситу остаться у больной до ее окончательного выздоровления. Молодая вдова пришла к этому решению с тем большей легкостью, что профессор не сидел теперь в комнате больной. Его посещения по утрам длились не более трех минут, и вообще его теперь мало видели в доме. Казалось, его вдруг охватила страсть к саду; он больше не работал по утрам в своем кабинете, и кто хотел его видеть, должен был идти в сад. Госпожа Гельвиг подчинялась его новой фантазии и, к превеликому удовольствию советницы, устраивала и обеды, и ужины в беседке в саду. В старом купеческом доме стало еще тише: раньше десяти часов вечера домой не возвращались. Но зато случалось, что профессор приходил домой раньше других. Тогда он делал несколько шагов по направлению к комнате больной, потом, точно в раздумье, останавливался и быстро поднимался к себе. Его кабинет был над комнатой Анхен, но он не сидел над своими книгами, а целыми часами ходил из угла в угол. В восемь часов Анхен обычно засыпала, и тогда для Фелиситы наступал отдых – она шла в мансарду.

Тетя Кордула преодолела свою недавнюю слабость и мрачные предчувствия и весело говорила о том близком будущем, когда Фелисита будет жить у нее. Фелисита никогда не рассказывала о событиях в большом доме, а старая дева, верная своей привычке, не расспрашивала ее.

Однажды Фелисита сидела одна у Анхен, в доме царила мертвая тишина. Госпожа Гельвиг и советница ушли в гости, профессор, без сомнения, был в саду, так как в его комнате было тихо. Малютка, устав играть, попросила Фелиситу спеть ей что-нибудь. У молодой девушки был красивый голос, и старая дева прекрасно обработала богатый вокальный талант Фелиситы. Молодая девушка находила, что своим пением она успокоит ребенка, но никогда не пела, зная, что кто-нибудь из ее врагов может ее услышать.

Красивая песнь Шумана зазвучала в детской с таким выражением, которое может выйти только из чистой девичьей души. Фелисита пропела первую строфу мягко, с захватывающей простотой и сдерживаемой силой. Но когда она начала вторую строфу, в комнате профессора стукнул стул, быстрые шаги направились к двери и в пустом доме резко прозвучал звонок. Смертельно испуганная Фелисита замолчала. Через несколько минут к ней вошла старая кухарка.

– Господин профессор просит, чтобы ты не пела: это мешает ему работать, – грубо сказала Фридерика. – Он был очень сердит. И что за глупости ты делаешь? Господин профессор сказал, чтобы ты погуляла с ребенком во дворе.

Фелисита закрыла руками свое пылающее лицо; полученный ею удар пристыдил и унизил ее. Насколько она могла быть смелой, когда нужно было защищать свои убеждения, настолько же была робка и боязлива в отношении своих талантов и знаний. Уже мысль о том, что ее могут услышать, заставляла ее моментально умолкнуть. Грубейшая несправедливость и дурное обращение госпожи Гельвиг никогда не могли вызвать у нее ни одной слезы – теперь же она горько плакала.

Через четверть часа Фелисита осторожно катала по двору детскую колясочку. Вскоре пришла госпожа Гельвиг в сопровождении советницы, несшей в руках большой пакет. Приласкав ребенка, молодая вдова обратилась с лукавой улыбкой к профессору:

– Посмотри, Иоганн, разве я не легкомысленная женщина? – шутила она. – Я увидела на выставке в магазине эту чудную скатерть и, прежде чем успела опомниться, уже держала

ее в руках и кусок тонкого полотна... Теперь прощайте зимние наряды. Я должна отказаться от них, чтобы заполнить пробел в моем бюджете.

Иоганн не отвечал, он смотрел на дверь, в которую входила женщина, недавно виденная Фелиситой в кабинете профессора.

– Господин профессор, мой Вильгельм теперь видит так же хорошо, как и мы, здоровые люди, – сказала она, ее голос дрожал, и на глазах были слезы. – Теперь он опять может зарабатывать себе на хлеб и я могу умереть спокойно. Никаких сокровищ не пожалела бы я для вас, господин профессор, но я думала, хоть безделицу...

– Что такое? – сурово перебил ее профессор.

Бедная женщина откинула свой плащ, покрывавший клетку и кусок полотна.

– Когда вы были у нас, вы охотно слушали нашего соловья, вы можете спокойно взять его с собой в Бонн... А кусок полотна я сама ткала, может быть, госпожа Гельвиг захочет взять на платки?...

– Вы с ума сошли! – гневно сказал профессор и так сильно нахмурил брови, что глаз совсем не стало видно. – Я не выношу птиц, и разве ваше дело заботиться о нашем белье? Берите сейчас же ваши вещи и отправляйтесь домой.

Бедная женщина молча и смущенно стояла.

– Вы могли избавить и меня, и себя от этого, госпожа Вальтер, – прибавил он мягче. – Я вам несколько раз говорил, чтобы вы этого не делали. Идите, завтра я приду еще раз посмотреть на вашего Вильгельма.

Он подал ей руку. Госпожа Гельвиг и советница оставались немymi свидетельницами этой сцены.

– Я не понимаю, Иоганн, – сказала наставительно госпожа Гельвиг, когда женщина удалилась. – Когда я подумаю, чего стоило твое учение, то мне кажется, ты не имеешь никаких оснований отказываться от какого бы то ни было вознаграждения.

– Подумай, Иоганн, – сказала советница, – сегодня утром мы узнали об одной несчастной, но честной семье. У бедных детей совсем нет белья! Тетя и я собирались помочь им. Если бы ты взял полотно, я выпросила бы его у тебя и сама сшила бы прекрасные рубашки.

– О, христианское милосердие! – перебил ее профессор со злобным смехом. – Последнее достояние бедной семьи должно идти на помощь другим нуждающимся, и над этим делом любви к ближнему стоит еще великодушная посредница!

– Ты зол, Иоганн, – обиделась молодая вдова. – Я всегда охотно помогаю...

– Но эта помощь ничего не должна тебе стоить, не правда ли, Адель? – прибавил он с горькой иронией. – Почему же благочестивая хозяйка не возьмет что нужно из своего бельевого шкафа?... Или, например, вот этот совершенно лишний для тебя кусок полотна, – он указал на пакет в ее руках.

– Это переходит всякие границы, Иоганн, – сказала жалобно советница. – Я должна отдать это чудное тонкое полотно?

– Я слышал от тебя упрек, – обратился профессор к матери, не обращая внимания на свою обиженную кузину, – что я не как следует пользуюсь плодами моего дорогого стоившего учения... Могу тебя уверить, что я достаточно практичен, но мое призвание больше, чем какое-либо другое, требует сострадания к ближнему. Я никогда не буду принадлежать к тем врачам, которые, с одной стороны, помогают неимущему подняться с постели, а с другой – заставляют его заботиться о плате за оказанную помощь.

До сих пор он совершенно не замечал присутствия Фелиситы, и теперь его взгляд скользнул как бы бессознательно в ее сторону и встретился с глазами, светящимися искренним сочувствием. Молодая девушка испуганно опустила глаза, а профессор с сердитым выражением надвинул на лоб свою шляпу.

– Это твое дело, Иоганн. Ты волен поступать по своему желанию, – холодно сказала госпожа Гельвиг, – но с этими взглядами ты не мог бы прийти к своему деду. Врачебная практика – это дело, приносящее доход, а в делах, говорил он, нельзя терпеть никаких сентиментальностей.

Она сердито повернулась к выходу, советница и профессор последовали за ней. На пороге профессор оглянулся: Фелисита, по просьбе малютки, вынула ее из коляски. Профессор тотчас же вернулся обратно.

– Я вам уже несколько раз запрещал носить ребенка, он слишком тяжел для вас! – вскричал он сердито. – Разве Фридерика не сказала вам, чтобы вы взяли себе в помощь Генриха?

– Она забыла об этом, да Генриха и нет дома.

Профессор взял у нее ребенка и посадил в коляску. Выражение его лица было строже обыкновенного. При других обстоятельствах Фелисита упрямо отвернулась бы от него, но сегодня она была виновата в его дурном настроении.

– Я должна просить у вас прощения, что помешала вам своей песней, – сказала она робко. – Я думала, что вас нет дома.

Слово «песня», вероятно, напомнило Анхен о слезах Фелиситы.

– Злой дядя, бедная Каролина плакала! – сказала девочка.

– Это правда, Фелисита? – спросил он быстро.

– Я была очень несчастлива при мысли...

– Что могли подумать, будто вы хотите, чтобы вас услышали? – перебил он ее. – Насчет этого вы можете быть спокойны, я считаю вас непримиримой и мстительной, но даже мысли о вашем кокетстве не могло прийти мне в голову. Я просил вас замолчать не потому, что вы мне мешали, а потому, что я не могу слышать ваш голос... Это признание, несомненно, сильно обижает вас?

Фелисита покачала головой.

– Это благоразумно. – Он твердо и испытующе посмотрел ей в глаза. – Ваше сегодняшнее пение открыло мне одну строго охраняемую тайну.

Фелисита испугалась, думая, что он напал на след ее отношений с тетей Кордулой.

– Я теперь знаю, почему вы отказываетесь от поддержки с нашей стороны. Вы пойдете на сцену!

– Вы ошибаетесь, – ответила она решительно. – Хотя я считаю прекрасным призвание знакомить людей с произведениями искусства, но для этого у меня не хватает ни смелости, ни уверенности, и поэтому я не могла бы пойти дальше посредственности. Кроме того, для сцены нужны основательные музыкальные познания, которых я никогда не буду иметь.

– Значит, я ошибся, ваше смущение было вызвано другими причинами, – сказал он резко. – Я желал бы, однако, опираясь на свою власть опекуна, проникнуть в ваши дальнейшие планы.

– Это бесполезно, – ответила она спокойно и решительно. – Я ничего не скажу... Вы сами предоставили мне свободу действий по истечении двух месяцев.

– Да, да, к сожалению, ошибка уже сделана, – сказал он, все больше раздражаясь. – Но я считал бы большой смелостью, чтобы не сказать точнее, решать самостоятельно в ваши молодые годы такие важные вопросы в жизни женщины, как, например, вопрос о замужестве...

– В этом случае мой опекун был бы последним, у кого я попросила бы совета, – перебила его Фелисита, покраснев. – Если бы я не имела смелости решить самостоятельно, то была бы уже связана с ненавистным мне бесхарактерным человеком. Вы спокойно дали бы свое согласие на предложение Вельнера.

Упрек был справедлив, и профессор закусил губу.

– Я полагал, что с выходом замуж окончатся обязанности, возложенные на меня моим отцом, – сказал он после томительной паузы, и его голос был лишен привычной твердости. – Это была ошибка. Хотя, по совету моей матери, я и дал согласие, но был далек от того, чтобы влиять на вас строгостью. Это была последняя попытка воспользоваться властью опекуна, – продолжал он не без горечи. – Я должен предоставить вас судьбе... Вы идете навстречу ей, полная надежд?

– Да, – ответила молодая девушка.

– И вы надеетесь быть счастливой?

– Так же, как я верю в загробную жизнь!

При последнем вопросе профессор посмотрел на нее испытующе, но, увидев, как просветлело ее лицо, сердито отвернулся, не сказав больше ни слова, и медленно пошел к дому.

Роза сидела в людской с Фридерикой, когда Фелисита прошла в свою каморку. Их болтовня мешала ей заснуть. Фелисита открыла окно и села на подоконнике.

– Да, – смеясь, говорила в соседней комнате Роза, – моя барыня точно с облаков упала, когда сегодня вечером профессор, вернувшись домой, сказал, что едет с большой компанией в Тюрингенский лес. В Бонне он вечно сидел за своими книгами, никогда не посещал ни балов, ни вечеров... Когда он был еще в институте, товарищи его терпеть не могли...

– Значит, и теперь его никто не любит? – спросила Фридерика.

– Ну нет, теперь его просто обожают... Студенты прямо на руках его носят, а дамы так целуют ему руки, когда он прописывает им рецепты. Моя барыня делает не лучше... И хоть бы был красив, а то – настоящий медведь... Он и лечит-то грубостью. Моя барыня лежит, например, в истерике, он подходит к ней и говорит: «Возьми себя в руки, Адель, встань сейчас же! Я на минуту выйду из комнаты и когда вернусь, ты должна быть одета!» Ну, разве можно так обращаться с дамами?

– Он мог бы, конечно, быть повежливее, это верно! – заметила кухарка.

– Вообще он тиранит мою барыню ужасно. Для нее самое большое удовольствие – нарядиться. У нас в Бонне шкафы полны самыми модными платьями. Но господин медведь проповедует простоту, и барыня носит при нем только кисею. Если бы он только знал, как дорого стоят эти кисейные платья!

Разоблачения легкомысленной горничной произвели на Фелиситу неприятное впечатление. Она соскочила с подоконника, чтобы пойти в людскую и помешать дальнейшему разговору. Ее взгляд случайно упал на противоположную стену. Свет от лампы, горевшей на площадке лестницы, падал в коридор, идущий к комнатам тети Кордулы. По коридору прогуливался тот, кого горничная называла медведем. Без сомнения, он совершал здесь свою ночную прогулку, так как под его комнатой спала советница с ребенком. Но что заставляло его ходить так долго? Думал ли он над разрешением какой-нибудь медицинской задачи или перед ним витал образ той, из-за которой ему предстоял одинокий жизненный путь? Фелисита задумчиво закрыла окно и задернула старые выцветшие занавески.

XVIII

По саду распространялся аромат недавно скошенной травы, на которой с удовольствием валялась Анхен. Фелисита прислонилась к стволу большого дерева. Когда-то на этом самом месте стояли ее маленькие ножки, и тогда не только лужайка, но и весь мир казался ей усыпанным цветами.

Со времени отъезда профессора и советницы в Тюрингенский лес прошло уже два дня, которые Фелисита проводила с Анхен. Несколько дней назад соседний сад перешел во владение семейства Франк. Вчера молодой адвокат обменялся с ней несколькими фразами, а сегодня к забору подошла старая дама с добрым лицом и предложила Фелисите, ввиду близости ее разлуки с домом Гельвиг, свою поддержку и совет. Это был неожиданный солнечный луч в жизни презируемой дочери комедиантов. И все-таки она стояла, глубоко задумавшись, и в шелесте ветвей ей слышались предсказания о страданиях и вечной борьбе, которую ей придется вести, хотя в этот момент она еще и не подозревала, что судьба уже разрушает ее слабые надежды.

В сад быстро вошел Генрих. С первого же взгляда Фелисита поняла, что он явился не с доброю вестью. Испуганно бросилась она ему навстречу и схватила его руку.

– Да, Феечка, ничего не поделаешь, ты все равно должна это узнать, – сказал он тихо, – старая барышня...

– Умерла? – вскрикнула Фелисита.

– Нет еще, Феечка, но она никого не узнает, с ней случился удар... Прислуга нашла ее лежащей на полу... – голос у него оборвался, и Генрих зарыдал, как ребенок.

В первый момент Фелисита как будто окаменела, ни одна слеза не выкатилась из ее глаз; с жутким спокойствием взяла она шляпу, позвала Розу, работавшую неподалеку, и передала ей ребенка.

– Вы нездоровы? – с испугом спросила горничная.

– Да, она больна, – ответил вместо Фелиситы Генрих. – Феечка, возьми себя в руки, барыня у нее наверху. Хорошо, что старая дева этого не знает. Доктор Бём уже ушел, он ничего не может сделать.

Но Фелисита ничего не слышала. Не замеченная Фридерикой, она поднялась в мансарду и проскользнула в комнату умирающей.

Глаза старой девы были открыты и беспокойно блуждали по сторонам, тихое хрипение сопровождало тяжелое дыхание, рука поднималась и бессильно падала на одеяло. Фелисита подошла к кровати. Госпожа Гельвиг с удивлением взглянула на нее.

– Что тебе здесь надо? – громко спросила она, указывая на дверь.

Фелисита не отвечала. В этот момент взгляд умирающей упал на девушку и в нем мелькнул луч сознания, губы зашевелились.

– Позовите нотариуса! – прохрипела она.

Фелисита бросилась из комнаты. Нельзя было терять ни минуты. Но когда она проходила мимо комнаты птиц, кто-то схватил ее сзади, отшвырнул на середину комнаты и затворил дверь. Фелисита упала на пол. Она ничего не видела, не слышала ничьих шагов, и вдруг кто-то схватил ее как раз в тот момент, когда нужно было исполнить последнюю волю умирающей.

Она бросилась к двери, но ни стук, ни крик не помогали: дверь была заперта... и кто бы мог открыть ее? Ведь не те же руки, которые ее сюда бросили? Она знала теперь, кто это был... Теперь эта ужасная женщина сидела у постели и читала своим монотонным голосом молитвы. Кровь бросилась в голову Фелисите. Вне себя подбежала она к двери и начала стучать с новой силой. Все было напрасно. Почему ее заперли? Она должна была позвать нота-

риуса, как приказала тетя Кордула. Если тетя Кордула умрет без завещания, то все перейдет к Гельвигам... Кто знает, у скольких бедняков отнята была поддержка, которая осчастливила бы их на всю жизнь?...

Фелисита села на стул и залилась слезами. Теперь уже было поздно, даже если бы ее и освободили. Может быть, дорогие глаза, с минуты на минуту ожидавшие появления Фелиситы, уже закрылись...

Прошло больше двух часов. Молодая девушка боялась пошевелиться, так как при каждом ее движении птицы поднимали ужасный крик. В наступающей темноте они казались ее расстроенному воображению страшными призраками. Она опять подошла к двери и толкнула ее. Дверь открылась без малейшего сопротивления. На площадке была мертвая тишина, Фелисите могло показаться, что ей приснился ужасный сон, если бы спальня не была заперта. Она посмотрела в замочную скважину – окно было открыто... да, все кончено!..

Фелисита прошла в людскую, вслед за ней вошел Генрих. Он повесил свою фуражку и подошел к Фелисите. Грустный взгляд его заплаканных глаз проник в застывшую от скорби душу девушки, она обняла его и залилась слезами.

– Ты видела ее, Феечка? – спросил он. – Фридерика говорит, что барыня закрыла ей глаза...

Фелисита перестала плакать и рассказала о случившемся. Генрих как сумасшедший бегал по комнате.

– И Господь допустил это?... – восклицал он. – Поди-ка, пожалуйста! В суде тебе не поверят, потому что не имеешь свидетелей... и во всем городе никто не поверит тебе, потому что это благочестивая госпожа Гельвиг, а ты... Я всегда говорил, что это очень дурная женщина. Феечка, бедное дитя, она тебя обокрала. Сегодня я должен был пойти к нотариусу, завтра в два часа старая дева хотела сделать завещание в твою пользу... Да, да...

XIX

Рано утром госпожа Гельвиг появилась во дворе. Жалкая женщина, так часто нарушавшая святость праздника веселыми мотивами, умерла. Но все-таки она носила имя Гельвигов, и потому неизменный белый чепчик госпожи Гельвиг был заменен черным.

Она отворила дверь, ведущую в мансарду. Светлый гений улетел уже из комнат, по которым проходила теперь госпожа Гельвиг. Холодная, презрительная усмешка играла у нее на губах, но при виде книг в изящных сафьяновых переплетах ее взгляд зажегся непримиримой ненавистью.

Она взяла большую связку ключей, лежавшую на столике, и открыла бюро, больше всего ее интересовавшее. В ящиках царил образцовый порядок. В них лежали исписанные тетради, пожелтевшие от времени письма, аккуратно перевязанные полинявшими ленточками. Но госпожу Гельвиг не интересовало все это. Зато к ящику, до краев наполненному разными документами, она отнеслась очень благосклонно. Внимательно, с внутренним удовлетворением разворачивала она лист за листом и быстро сосчитала общую сумму выгодно помещенных денег. Эта сумма превосходила ее ожидания.

Но ее расследования этим не ограничились. Она переходила от шкафов к комодам, из комнаты в комнату с необыкновенной живостью и нетерпением, которое возрастало с каждым шагом. Но не находила того, что искала. Наконец, взволнованная, она вышла на галерею и, приказав прислать к ней Генриха, снова начала прерванные поиски.

– Ты не знаешь, где покойная тетя хранила серебро? – спросила она у Генриха. – Я знаю, что у нее должно было быть по крайней мере две дюжины серебряных ложек, столько же кофейных, серебряные подсвечники, кофейник, молочник... Я ничего не могу найти – где все это?

– Не знаю, барыня, – спокойно ответил Генрих. Он подошел к столу и вынул из ящика два серебряных прибора. – Вот все, что я видел у покойной барышни.

Госпожа Гельвиг кусала губы, выдержка покинула ее.

– Какой скандал, если она продала или подарила семейные драгоценности, хотя это и не похоже на нее! – сказала она как бы про себя. – Но я не успокоюсь до тех пор, пока не найду всего. У нее были ведь еще и брильянты...

Она умолкла, ее взгляд упал на стеклянный шкаф, в котором лежали ноты. В нем она еще не искала. Она рванула резные дверцы: на полках лежали кипы журналов. Она с ненавистью вынимала пачку за пачкой и бросала их на пол, так что аккуратно сложенные тетради разлетались в разные стороны.

В старике кипела злоба, он сжимал кулаки и бросал на грубую женщину страшные взгляды. Он видел, как блестели глаза старой девы, когда он приносил с почты эти книжки, доставлявшие ей столько радости и утешения.

– Здесь собраны все непримиримые враги святой церкви, – пробормотала госпожа Гельвиг. – И я столько лет должна была терпеть эту оставленную Богом старую деву под своей кровлей!

При виде нот у нее вырвался хриплый смех. Она открыла шкаф и приказала Генриху принести корзину, куда он должен был сложить все эти книги и ноты. Он тщетно ломал голову над дальнейшей судьбой этих книг. Высокая женщина стояла рядом с ним и строго следила за тем, чтобы ни один листок не остался в шкафу. Сама она ничего не трогала: казалось, она боялась обжечь себе руку, притронувшись к тетрадкам.

Наконец, она приказала слуге снести корзину вниз и, тщательно заперев все двери, последовала за ним. К большому неудовольствию Фридерики она вошла в кухню. Генрих должен был поставить корзину на пол и принести ножницы.

– Сегодня ты можешь побережь дрова, Фридерика, – сказала госпожа Гельвиг, бросая в огонь нотные тетради.

Генрих остолбенел. Еще тело старой девы не было предано земле, а эта бессердечная женщина распорядилась уже ее имуществом, как беспощадный победитель в покоренной стране.

– Барыня, – сказал он наконец, – ведь тут может быть завещание!

Госпожа Гельвиг с насмешкой подняла свое красное от огня лицо.

– С каких это пор я разрешила тебе делать свои разумные замечания? – спросила она резко. В эту минуту она держала в руках рукопись оперетки Баха и с еще большей энергией принялась резать и рвать листки, бросая их в печку.

Кто-то позвонил. Генрих пошел отворить. Вошел чиновник судебного ведомства в сопровождении служителя. Поклонившись удивленной хозяйке дома, он сказал, что ему поручено опечатать имущество умершей Кордулы Гельвиг. Госпожа Гельвиг, вероятно, впервые в жизни потеряла свое обычное хладнокровие.

– Опечатать? – пробормотала она.

– У нотариуса есть завещание.

– Это ошибка, я знаю наверняка, что по желанию своего покойного отца она не имела права делать завещания – все переходит к семье Гельвиг.

– Я очень сожалею о причиненном вам беспокойстве, – сказал чиновник, пожимая плечами, – но должен сейчас же приступить к исполнению своих обязанностей.

Госпожа Гельвиг закусила губу, взяла ключи от мансарды и пошла вперед. Генрих побежал к Фелисите, которая, к удивлению Анхен, была сегодня неподвижна и молчалива, как статуя, и рассказал ей о случившемся. При описании аутодафе она встrepенулась и, не слушая дальше, поспешила в кухню. Там стояла корзина, в которой лежали еще нотные тетради, но папки, разбросанные по полу, были пусты. Только в углу лежал маленький обрывок. Фелисита подняла его. «Партитура, написанная собственноручно Иоганном Себастьяном Бахом, полученная от него на память в 1707 году. Готгельф фон Гиршпрунг», – прочитала она... Это было все, что осталось от драгоценной рукописи.

По-видимому, госпожа Гельвиг первоначально не имела намерения прерывать путешествие своего сына, однако после того как имущество старой девы было опечатано, она письмом вызвала его. Но так как путешествующая компания не имела определенного адреса, письмо было послано наудачу. По желанию покойной на следующий день после ее погребения должны были вскрыть завещание. Для этого акта госпоже Гельвиг нужна была поддержка сына, так как она совершенно потеряла голову. Возможная потеря значительного состояния сокрушающе действовала даже на ее железные нервы.

Поиски, начавшиеся с утра в мансарде, продолжались теперь в комнате ее покойного мужа. Между семейными бумагами должны были найтись доказательства того, что старая дева не могла самостоятельно распорядиться своим имуществом. Госпожа Гельвиг была твердо уверена в существовании такого распоряжения отца Кордулы, бумаги должны были найтись. Но сегодня для нее выпал несчастливый день – поиски были безрезультатны.

Прошло два дня. Письмо, вероятно, блуждало еще по Тюрингенскому лесу, и на похоронах старой девы не было ни одного представителя семьи Гельвигов.

Фелисита, со свойственным ей самообладанием, молча переносила свое горе. Она не ждала утешений, с детства привыкнув сама справляться со своими печалью. Она не хотела больше видеть покойную. Последний взгляд умирающей был для нее прощанием. После обеда в день погребения, когда госпожа Гельвиг ушла, она взяла один из ключей, висевших в людской, и открыла коридор, идущий к знакомой уже читателям кладовой. Тетя Кордула должна была иметь сегодня на своей могиле свежие цветы, но только из тех, которые она сама посадила. Мансарда, за исключением комнаты птиц, была запечатана, и таким обра-

зом путь туда был отрезан. В первый раз после девяти лет Фелисита снова стояла у слухового окна и смотрела на крышу. Необходимо было еще раз пройти по этой дороге. Фелисита вылезла из окна и быстро прошла по крыше. Бедные цветы, безмятежно качавшиеся при малейшем дуновении ветерка своими душистыми головками, не знали, что их благосостояние зависело от маленьких ручек, уже упокоившихся в земле. Фелисита заглянула в стеклянную дверь. Там на круглом маленьком столике на открытой книге лежали очки. Взволнованная девушка прочитала несколько строк: речь Антония из «Юлия Цезаря» Шекспира была последним чтением старой девы. Дальше в зале стоял рояль, а рядом с ним стеклянный шкаф с пустыми теперь полками; сокровища, лежавшие на них, превратились в пепел, но зато другие сокровища этого шкафа были спрятаны хорошо – госпожа Гельвиг напрасно искала их...

В потайном отделении старого шкафа хранилось не только серебро, там стоял и ящичек. «Он должен умереть раньше меня», – говорила тетя Кордула... Был ли он уничтожен ею? Он ни в коем случае не должен был попасть в руки наследников, и все-таки старая дева не имела сил его уничтожить. Было более чем вероятно, что ящичек еще существовал. Если в завещании было указано место, где хранилось серебро, то открылась бы тайна, которую тетя Кордула всеми силами старалась скрыть... Фелисита решила предотвратить это.

Стеклянная дверь была заперта изнутри на задвижку. Фелисита вынула стекло и взялась за задвижку, но дверь оказалась запертой на замок и ключ был вынут – неутешительное открытие! Негодование на судьбу, становившуюся ей поперек дороги каждый раз, когда она надеялась помочь тете Кордуле, овладело Фелиситой. К ее горю примешивался еще тяжелый вопрос: что же теперь будет? Было ли содержание серого ящичка таково, что могло уничтожить молву о виновности старой девы? Или же оно бросало на усопшую еще большую тень?

Она срезала красивый букет и пошла обратно с новой тяжестью в переполненном горем сердце.

На большом тихом кладбище лежало три дорогих для этой молодой девушки существа. Она бросила горький взгляд на небо. Ему некого было больше отнимать у нее. Отец давно уже умер где-нибудь в чужой земле. Здесь под мраморной плитой лежал Фридрих Гельвиг, а тут – она подошла к могиле своей матери. Сегодня надгробный камень лежал около могилы, так как Генрих хотел подновить надпись на нем. «Мета Орловская», прочитала Фелисита, но дальше были написаны еще слова, прежде скрытые землей: «урожденная фон Гиршпрунг из Киля».

Фелисита глубоко задумалась... Это же имя было написано на рукописи Баха! Оно принадлежало старинному тюрингенскому рыцарскому роду герб которого был изображен на стенах и дверях дома Гельвигов. Но и на маленькой серебряной печатке в детском мешочке Фелиситы было то же самое изображение готовящегося к прыжку оленя... Удивительная загадка!.. Гордый род, последние представители которого должны были взяться за рубанок и шило, давно угас... Генрих еще в детстве знал последнего представителя этого рода, который молодым студентом умер в Лейпциге... И все-таки четырнадцать лет тому назад с далекого севера пришла молодая женщина, носившая это имя и имевшая тот же герб... Была ли это ветвь, оторванная от старого тюрингенского ствола и заброшенная так далеко?...

Были ли еще живы родственники матери Фелиситы? Горькая усмешка мелькнула на губах молодой девушки: во всяком случае, для дочери Меты фон Гиршпрунг они не существовали. Их вызывали два раза, и они упорно молчали.

XX

С кладбища Фелисита отправилась в сад, где Роза и Анхен ожидали ее и куда должна была прийти госпожа Гельвиг. Она снова обрела внешнее спокойствие, но, казалось, чувствовала потребность развеяться и почти не бывала дома. Свою встречу с Фелиситой в мансарде она совершенно игнорировала. Предположение, что молодая девушка виделась со старой девой, ей не пришло в голову, и она объясняла появление Фелиситы простым любопытством.

Фелисита быстро прошла через весь город и остановилась у сада Франков. Она глубоко вздохнула и, решившись, открыла калитку. Молодая девушка должна была теперь действовать самостоятельно. Старая дама, разговаривавшая несколько дней назад с Фелиситой, сидела в тени и сразу узнала входившую девушку.

– Вы пришли ко мне за советом, не правда ли? – приветливо спросила она.

Фелисита сказала ей, что через три недели она покидает дом Гельвигов и ищет места.

– Скажите, дитя, что вы можете делать? – спросила старая дама.

Фелисита покраснела... Она должна была говорить о своих знаниях, которые так тщательно скрывала. Это было ей очень неприятно, но больше ничего не оставалось.

– Я могу преподавать немецкий и французский языки, географию и историю, – ответила она. – Я упражнялась также в рисовании. Музыка я не училась, но пение я могла бы преподавать... Я могу также стряпать, стирать и гладить...

– Здесь, в нашем маленьком Х., вы, конечно, не хотели бы оставаться? – живо спросила старушка.

– Продолжительное пребывание здесь было бы нежелательно, но у меня тут дорогие могилы и не хотелось бы расставаться с ними очень скоро.

– Тогда вот что я вам скажу. Компаньонка моей сестры в Дрездене выходит замуж. Через шесть месяцев это место будет свободно, и я рекомендую вас, а до тех пор вы останетесь у меня... Хорошо?

Фелисита с благодарностью поцеловала руку старушки. Но видно было, что ей хотелось задать еще какой-то вопрос. Старушка тотчас же заметила это.

– У вас есть еще что-то на сердце, не правда ли? Если мы хотим жить вместе, то должны быть откровенны, – сказала она весело.

– Я хотела бы просить вас дать мне определенное положение в вашем доме, – быстро и решительно ответила Фелисита.

– Ах, понимаю, вы не хотите есть хлеб из милости! Но у меня вы не будете в этом тяжелом положении, мое милое, гордое дитя: я приглашаю вас своей компаньонкой. Стирать и гладить вам не придется, но вы должны будете иногда присмотреть на кухне, так как я и моя старая Дора становимся уже дряхлыми. Хотите?

– Конечно! – ответила она, и впервые после смерти тети Кордулы на серьезном лице молодой девушки мелькнула слабая улыбка.

Фелисита вспомнила, что она должна быть на своем посту прежде, чем госпожа Гельвиг придет в сад, и попросила позволения удалиться. Госпожа Франк отпустила ее с теплым рукопожатием, и через несколько минут она стояла уже в саду Гельвигов и держала Анхен на руках. Вскоре после нее пришла сильно рассерженная Фридерика.

– Они приехали час назад, – сказала она, запыхавшись и опуская на землю тяжелую корзину с посудой. – У нас еще никогда не было такого беспорядка... Барыня сказала, что ужинать будут в городе; я все приготовила, но профессору непременно захотелось идти в сад. Пришлось укладывать и тащить сюда все свое хозяйство. Там произошла ужасная сцена, –

тихо рассказывала она, в то время как Фелисита, стоя рядом, чистила салат. – Первое слово барыни было о завещании... Такой взбешенной, как сегодня, я ее никогда не видала.

А молодой барин сказал, что старая тетя была отверженной, никто о ней никогда не заботился, и он не понимает, почему она должна отдать свои деньги людям, ее презиравшим. Он никогда и не думал об этом наследстве...

Фелисита по обыкновению ничего не отвечала на болтовню кухарки. Вскоре она взяла свою работу и села под деревом, в то время как Анхен играла около нее на лужайке. Со своего места она могла видеть садовую калитку. Эта изящная, чугунная решетка всегда имела для нее особую прелесть. Много людей появлялось за нею: были и милые, приветливые лица, к которым она радостно бежала навстречу, но были и такие, при появлении которых сжималось ее маленькое сердечко, и она вздыхала свободно только тогда, когда калитка закрывалась за ними. Но никогда еще она не испытывала такого страха, как сегодня, когда заскрипела калитка и вошла госпожа Гельвиг под руку с сыном и в сопровождении советницы. Отчего ей было бояться этих людей? Госпожа Гельвиг совершенно игнорировала ее существование, а сын ее считал дочь фокусника отверженным и презренным существом... Фридерике он показался сегодня странным, и Фелисита должна была признать, что старая кухарка была права. Сегодня он нетерпеливо стремился куда-то и искал кого-то глазами, вероятно свою маленькую пациентку.

Роза повела Анхен навстречу входившим. Советница обняла ребенка, но, лаская его, сердито бранила Розу за то, что та взяла ключи от комнат и заставила советницу идти по городу в измятом дорожном платье.

– Эта прогулка – одно из самых неприятных происшествий в моей жизни, – с досадой говорила молодая дама, закалывая разорванное платье. – Лучше бы я осталась в твоей тихой комнате, тетечка. Мы испытали тысячу неудобств, и, куда бы ни направлялись, дождь следовал за нами по пятам. Ко всему этому еще ужасное настроение моего мрачного кузена, который с удовольствием вернулся бы домой в первый же день. Сколько мы положили трудов, чтобы сделать его хмурое лицо хоть немножко приветливее... Анна фон Штернталь приложила для этого столько усердия, что я каждую минуту ожидала объяснения в любви. Скажи сам, Иоганн, разве она не была предупредительна и любезна?

Ответа профессора Фелисита не слыхала. Некоторое время никто не обращал на нее внимания. Но когда она случайно выглянула за стену тисов, то увидела подходившего профессора. Его лицо было взволнованно, а взгляд беспокойно блуждал по саду. Фелисита сидела неподвижно и наблюдала за ним; она боялась того момента, когда его взгляд упадет на нее. Но как странно изменилось его лицо!

Он наклонил ветку яблони и рассматривал ее с видимым интересом, вероятно не замечая девушки. Потом отбросил ветку и продолжал свой путь.

– Посмотрите, Фелисита, я нашел клевер с пятью лепестками! – внезапно закричал он, наклоняясь. – Люди говорят, что эти пять лепестков приносят нашедшему их счастье, – продолжал он, быстро переходя лужайку. – Я сейчас увижу, насколько основательны эти уверения...

Он стоял перед Фелиситой. Теперь в его осанке чувствовалась энергия человека с сильной волей. Клевер выпал у него из рук, и он протянул их к молодой девушке.

– Добрый вечер, – сказал он мягко.

Если бы девять лет тому назад он заговорил так с ребенком, всем сердцем жаждавшим любви! Но теперь это доверчивое приветствие, в котором слышалась радость свидания, было непонято, хотя она, хотевшая оттолкнуть его помощь даже в тяжелую минуту своей жизни, все-таки подала ему руку. Это было чудо... Малейшее неосторожное движение с его стороны могло спугнуть ее. Он понял это и переменял тон.

– Вас не тяготила забота об Анхен? – спросил он приветливо и с участием.

– Нисколько, привязанность ребенка трогает меня, и я охотно ухаживаю за ним.

– Но вы грустнее и бледнее, чем всегда. Вы только что сказали, что привязанность ребенка трогает вас, но и другие люди также привязаны к вам. Я сейчас докажу вам это. Вы, наверное, ни разу не подумали о людях, покинувших городок Х., чтобы укрепить свою душу и волю на свежем лесном воздухе.

– Я не имею с ними ничего общего, – ответила она хмуро и сильно покраснела.

– Допустим. Но я был человеколюбивее, я думал о вас, и вот при каких обстоятельствах: я видел сосну, одиноко стоявшую на утесе; казалось, ее обидели в лесу, лежавшем у ее ног, и она бежала на пустынную скалу. Там она стояла твердо и угрюмо, и моя фантазия придавала ей человеческое лицо с хорошо знакомым мне гордым, презрительным выражением. Во время грозы дождь хлестал ее ветви, буря немилосердно сгибала ее, но она снова выпрямлялась и после каждого толчка казалась еще крепче.

Фелисита взглянула на него с испугом и робостью. Как он изменился! Человек с холодными, стальными глазами, убежденный консерватор, в котором законы и правила убили всякую искру поэзии, педант, которого беспокоило пение, рассказывал ей теперь выдуманную им сказку, смысла которой она не могла не понять.

– И подумайте, – продолжал он, – я стоял внизу в долине, и мои спутники бранили меня за то, что я оставался под дождем. Они не знали, что сухому, рассудительному доктору представилось видение, которого не могли прогнать ни буря, ни дождь: он видел, как храбрец поднялся на скалу, обнял сосну и сказал: «Ты моя!» И что же случилось дальше?

– Я знаю, – перебила его девушка негодующим тоном. – Одинокая осталась верной себе и употребила свое оружие.

– Даже и тогда, когда она почувствовала бы, что с ним она может спокойно отдохнуть от всех бурь и тревог и что он всю жизнь будет защищать и беречь ее как зеницу ока?

Рассказчик принимал, видимо, большое участие в судьбе действующих лиц своего рассказа. Губы его вздрагивали, и в голосе слышалась та мягкость, которая так поразила Фелиситу у постели больного ребенка.

– Одинокая оказалась достаточно опытной, чтобы понять, что он рассказывал ей сказку, – ответила она твердо. – Вы говорите сами, что она устояла против бури, значит – закалила себя и не нуждалась в поддержке!

От нее не укрылось, как побледнел профессор. Казалось, он хотел уйти, но в это время послышались шаги и из-за стены тисов показалась его мать под руку с советницей.

– Ты здесь, Иоганн? Мешаешь Каролине работать и заставляешь нас ожидать тебя к ужину, – проворчала госпожа Гельвиг.

Советница оставила руку тетки и перешла лужайку, ее голубиные глаза метали молнии.

– Я не могла еще поблагодарить вас, Каролина, за то, что вы присмотрели за моим ребенком... – Эта фраза должна была звучать приветливо, но обычно мягкий голос советницы звучал теперь резко. – Вы стоите под деревом, словно отшельница, и, вероятно, часто играли эту интересную роль, так как я нахожу, что уход за Анхен был очень небрежен. Она сильно загорела, и я боюсь, что ее слишком много кормили!

– Нет ли у тебя еще каких-нибудь упреков, Адель? – насмешливо спросил профессор. – Может быть, она виновата и в том, что ребенок страдает золотухой, а может быть, это она и наслала на Тюрингенский лес дожди, испортившие тебе настроение?

– Не договаривай лучше, – сказала молодая вдова. – Ты не знаешь, что говоришь. Я не хотела вас обидеть, Каролина, и чтобы вы видели, что я нисколько на вас не сержусь, я попрошу вас сегодня вечером еще посмотреть за Анхен. Я чувствую себя очень утомленной.

– Этого не будет! – твердо заявил профессор. – Время безграничного самопожертвования прошло; ты прекрасно умеешь, Адель, пользоваться силами других, но с этих пор ты возьмешь ребенка на свое попечение!

– Хорошо, это удобно и для меня, – сказала госпожа Гельвиг. – Тогда девушка будет полоть. Я не могу этого требовать от Генриха и Фридерики, они уже стары для этого.

Яркая краска покрыла лицо профессора. Как ни трудно было обыкновенно разгадывать выражение его лица, но в этот момент на нем ясно можно было прочесть смущение и стыд.

Может быть, он никогда еще не сознавал так ясно, как теперь, в какое положение поставил он это богато одаренное молодое существо. Фелисита моментально покинула свое место. Она знала, что слова госпожи Гельвиг служили для нее приказом, который она должна была тотчас же исполнить, если не желала навлечь на себя целую тучу колких замечаний. Но профессор преградил ей дорогу.

– Я думаю, что также имею право слова как опекун, – сказал он с видимым спокойствием. – И я не желаю, чтобы вы исполняли такие тяжелые работы.

– Ты, может быть, хочешь посадить ее под стеклянный колпак? – спросила госпожа Гельвиг. – Но она воспитана по твоим предписаниям... Не должна ли я показать тебе твои письма, в которых ты неустанно повторял, что она должна трудиться?

– Я ни на йоту не отрицаю моих требований, – ответил профессор глухим, но твердым голосом, – но должен сознаться, что сделал ошибку, и теперь думаю и буду поступать иначе.

– Не будь смешон, Иоганн, – сказала госпожа Гельвиг, язвительно засмеявшись. – В твои годы не меняют убеждений. Кроме того, ты действовал в данном случае не один, а я думаю, что вся моя жизнь доказывает, что с Божьей помощью я всегда поступала справедливо... Мне было бы жаль, если бы в твоем характере проявилась отцовская слабость, потому что тогда нам пришлось бы расстаться. Пока девушка находится в моем доме, она останется моей служанкой, которая не должна ни минуты сидеть без работы. Она может разыгрывать из себя важную даму и сидеть сложа руки после...

– Этого она никогда не сделает, госпожа Гельвиг, – сказала Фелисита. – Работа относится к ее жизненным условиям... Будьте добры указать мне грязки, чтобы я могла начать работу.

Профессор, принявший во время речи матери свою спокойную осанку, повернулся к Фелисите.

– Я запрещаю вам это, – приказал он решительно. – И если мой протест опекуна не может сломить вашего непобедимого упрямства, то я апеллирую к вашему благоразумию как врач... Вы переутомились, ухаживая за Анхен. Через некоторое время вы покинете наш дом, и наш долг позаботиться о том, чтобы вы были здоровы.

– Она может идти домой, – сказала госпожа Гельвиг, – хотя я и не понимаю, как это уход за ребенком мог довести ее до болезни. Посмотри, Иоганн, на других девушек в ее положении: они работают целый день и не теряют румянца...

Она взяла под руку молодую вдову и пошла с ней через лужайку в полной уверенности, что ее сын следует за ней. Но профессор, сделав несколько шагов за ними, вернулся обратно.

– Вы, вероятно, не чувствуете, что причинили мне сегодня страшную боль? – спросил он мягко.

Молодая девушка молчала.

– Фелисита, я не могу думать, что вы принадлежите к тем женщинам, которым просьба мужчины о прощении доставляет удовольствие, – сказал он серьезно.

– По-моему, такая просьба неприятна обиженному, – ответила она непривычно мягко, – и от уважаемых мною людей я ни в коем случае не хотела бы услышать подобную просьбу... Дети могут просить прощения у родителей, но не наоборот... Тем менее...

– Тем менее вы хотели бы видеть униженным мужчину, не так ли, Фелисита? – быстро закончил он прерванную фразу, и в его голосе зазвучала радость. – Но надо быть последовательной, и потому подумайте спокойно, не долг ли женщины протянуть руку помощи желающему исправить свою ошибку?... Подождите, сейчас я не хочу знать вашего ответа, я

вижу по вашим глазам, что он будет не таким, какого я жду... Я буду надеяться, что настанет время, когда злая сосна на утесе не употребит своего оружия!

Он ушел. Ее глаза были устремлены на листок клевера, который был сорван как символ счастья. Взять его она не хотела, но не захотела и растоптать...

XXI

После ряда солнечных дней над городом нависло пасмурное небо. Старый дом на площади казался еще мрачнее. Шторы во втором этаже были опущены, так как советница страдала сильной головной болью. Серое небо не предвещало ничего хорошего: день, когда предстояло вскрыть завещание, был неудачнейшим в жизни госпожи Гельвиг. К нотариусу были вызваны только оба ее сына и Генрих, но она заступала место своего сына Натаниеля.

К полудню она вернулась в сопровождении профессора. Генрих следовал за ними в некотором отдалении. Опасные болезни и даже смерть близких не меняли выражения лица госпожи Гельвиг. Ее сильный дух, поддерживаемый глубоким благочестием, без каких-либо колебаний подчинялся таким испытаниям, и ее ставили в пример. Но сегодня маленький городок был свидетелем необыкновенного зрелища. На щеках этой величественной женщины горел румянец, ее всегда размеренная походка была поспешна...

Несмотря на головную боль, советница спустилась вниз.

– Поздравь нас, Адель, – сказала со злобным смехом госпожа Гельвиг. – Из состояния в сорок две тысячи талеров семья Гельвиг, которой по праву принадлежат эти деньги, не получит ничего!.. Но Боже сохрани оспаривать это сумасшедшее завещание, мы должны примириться с вопиюще несправедливостью; вот куда ведет бесхарактерность мужчин! Если бы я была главою дома, я не допустила бы этого. Не понимаю, как мог мой покойный муж терпеть эту особу у себя в доме и предоставить ей распоряжаться имуществом по своему усмотрению.

– Но кто же настоял на том, чтобы старая тетя была изгнана под крышу? – строго спросил профессор. – Кто настраивал против нее моего отца, кто строго следил за тем, чтобы старая родственница не имела никаких отношений с нами, детьми?...

Это была ты, мама! Если ты хотела получить наследство, то должна была поступать иначе!

– Ты, может быть, думаешь, что я должна была поддерживать с ней хорошие отношения? Я, прожившая беспорочно всю жизнь, – с этой преступной особой, нарушавшей святость праздников и не имевшей истинной веры? Нет, никакие земные силы не заставили бы меня сделать это! Ее нужно было объявить ненормальной и назначить опеку, и для этого у твоего отца была тысяча средств.

Профессор побледнел. Он бросил на мать испуганный взгляд, взял шляпу и вышел из комнаты. Он заглянул в глубокую пропасть... Высокомерие и безграничный эгоизм столько лет казались ему венцом благочестия, озарявшим его мать... И этот характер он считал верхом женственности! Он должен был признаться самому себе, что раньше и он стоял на той же дороге... И бедную невинную сироту с головой, полной ясных, идеальных мыслей, с гордым и честным сердцем, с богато одаренной душой он толкнул в эту холодную, беспросветную бездну... Как должна была она страдать! Он медленно поднялся по лестнице и заперся в своем кабинете.

В то же время в людской разыгрывалась другая сцена волнения и негодования. Кухарка беспокойно бегала по комнате.

– Не думай, что я завидую тебе, Генрих, это было бы не по-христиански! – восклицала Фридерика. – Две тысячи талеров! У тебя больше счастья, чем ума... Господи, как только я не мучила себя всю жизнь, ходила прилежно в церковь, зимой, в сильнейший холод... Я молила Бога, чтобы Он сделал меня счастливой, но мне это не принесло пользы, а тебе выпало такое счастье... Но можешь ты взять эти деньги со спокойной совестью? По-настоящему старая барышня не могла завещать тебе ни одного пфеннига, потому что по праву все принадлежит

нашим господам... Если рассуждать правильно, так ты крадешь у них эти деньги, Генрих. Я не знаю, что бы я сделала на твоём месте!

– Я возьму их, Фридерика, – сказал Генрих.

Старая кухарка выбежала в кухню, хлопнув за собой дверь.

Завещание старой девы, вызвавшее столько волнений и негодования, было сделано десять лет тому назад и гласило следующее:

«В 1633 году сын убитого шведскими солдатами Адриана фон Гиршпрунга Лютц фон Гиршпрунг покинул город Х., чтобы поселиться в другом месте. Этой боковой линии угасшего старого тюрингенского рыцарского рода я завещаю тридцать тысяч талеров из моего личного капитала, золотой браслет, в середине которого выгравировано стихотворение на старо-немецком языке, рукопись оперетки Баха, которая включена в мое собрание автографов знаменитых композиторов, лежит в папке № 1 и имеет надпись: „Готгельф фон Гиршпрунг“. Настоящим я прошу нотариуса сделать вызов потомкам названной боковой линии. Если же в течение года никто не заявит своих прав, то я желаю передать капитал вместе с суммой, вырученной от продажи браслета и рукописи, уважаемому магистрату города Х. с тем, чтобы проценты с этого капитала ежегодно и в равных частях получали восемь учителей открытых учебных заведений города Х. Мое серебро и все мои драгоценности, за исключением вышеозначенного браслета, я завещаю главе дома Гельвиг как фамильное достояние, которое не должно перейти в чужие руки, так же, как и все белье, посуда и мебель. Мое собрание автографов знаменитых композиторов, за исключением рукописи Баха, должно быть продано, и вырученные от продажи деньги должны быть отданы моим племянникам, Иоганну и Натаниелю Гельвигом, ввиду того, что я никогда не могла сделать им подарков к Рождеству».

Кроме того, двенадцать тысяч талеров были завещаны разным бедным семействам, и из них Генрих получал две тысячи.

Генрих передал Фелисите содержание завещания. Из его рассказа выяснилось, что место, где хранилось серебро, не было точно указано, значит, судьба предоставляла возможность молодой девушке уничтожить серый ящичек.

– Ах, Феечка, – сказал Генрих печально. – Если бы старая барышня прожила еще двадцать четыре часа, то прежнее завещание было бы уничтожено и ты получила бы много денег: она тебя так любила.

Фелисита улыбнулась. В этой улыбке выразилась уверенность в своей юности и силах, которой чужда еще мысль о беспомощной старости.

– Так лучше, Генрих, – возразила она, – беднякам деньги нужнее, чем мне, а распоряжение тети о самом капитале, вероятно, осталось бы без изменения при составлении второго завещания.

– Да, наверное, – задумчиво сказал Генрих. – Я хорошо еще помню смерть старого Гиршпрунга. Он был сапожник и жил рядом с нами. Его сын играл со старой барышней, и потом, когда был студентом, они полюбили друг друга, как говорят люди. Рассказывают еще, что эта любовь свела старого господина Гельвига, ее отца, в могилу. Он не хотел и слышать об этой любви, и однажды у них вышло крупное столкновение; от гнева и волнения с ним сделался удар, и через несколько минут он умер. После его смерти Кордула уехала в Лейпциг: у ее студента началась горячка, и она ухаживала за ним до самой его смерти. Все родственники были взбешены ее поведением и отреклись от нее...

На следующий день печати с мансардной квартиры были сняты. Погода не менялась. Однообразные, серые тучи покрывали небо, дождь шел не переставая. В эти дождливые дни Фелисита сидела в своей комнатке рядом с людской. Вероятно, по приказанию профессора она была избавлена от всех тяжелых работ, зато целые груды белья лежали вокруг нее для починки – она не должна была даром есть хлеб.

Но в то время как руки Фелиситы машинально работали, сердце ее беспокойно билось, озабоченное решением тяжелой задачи. Суд напрасно искал серебро и драгоценности старой девы. Сначала это успокоило молодую девушку, но с тех пор Генрих ходил расстроенный. Госпожа Гельвиг с двусмысленным взглядом в сторону Генриха сказала комиссии, что к старой деве приходили только дворник и служанка, и из-за показаний хозяйки, очень похожих на обвинение, честного старика призвали к допросу. Он был вне себя... Какая мука была для Фелиситы видеть горе своего старого, верного друга и не сметь открыть тайну!

Теперь было вдвое труднее попасть в мансарду. Профессор в день снятия печатей прошел по комнатам таинственной старой тетки и решил поселиться в них. Возможно, что при виде оригинальной обстановки комнат ему стала понятна душа одинокой отверженной родственницы.

Он приходил вниз только к обеду и всегда с «угрюмым лицом», как говорила Фридерика. Советницу тоже охватила страсть к «очаровательному тихому убежищу», и она выпросила у своего кузена позволение приходить в мансарду. Роза должна была мести полы, а молодая вдова собственноручно вытирала пыль. Комнаты тети Кордулы ни на минуту не оставались без надзора. К тому же профессор заменил старый замок новым, к которому ключ Фелиситы не подходил, и, таким образом, она могла воспользоваться только дорогой через крыши. Мысль, что она должна, как преступница, проникнуть в запертые комнаты, переполняла ее негодованием, и само ожидание момента, когда ничего не подозревающий Иоганн уйдет из квартиры, было для нее ужасно. Но все-таки она не отступала и приходила в ужас от мысли, что для выполнения этой задачи ей оставалось только две недели.

Наконец дождь прошел. Может быть, сегодня все уйдут в сад и дорога через крыши будет свободна. Но надежда Фелиситы не оправдалась. Сразу же после обеда пришла Роза и сказала, чтобы молодая девушка шла с Анхен в сад. Господа тоже придут туда ужинать.

Вскоре Фелисита шла с девочкой по саду. Вместо черепиц крыши и деревянного пола воздушной галереи у нее под ногами была освещенная солнцем земля аллеи пустынного сада. Во время дождя сотни роз открыли свои чашечки. Фелисита, не замечая прекрасных цветов, шла с опущенной головой, и маленькая Анхен молча ковыляла рядом с ней, не мешая думам молодой девушки. В голове Фелиситы теснились горестные воспоминания. Розы не так благоухали раньше, когда еще не угасли ясные, смотрящие с любовью глаза тети Кордулы, которая в тихие воскресные послеобеденные часы, сидя около своей внимательно, не шевелясь, слушающей ученицы, читала классиков, а с галереи доносился опьяняющий аромат цветов, и вдали расстился зеленый Тюринген...

Она подняла голову и посмотрела через забор в соседний сад. Там виднелся белый чепчик госпожи Франк. Старая дама сидела с сыном за столом; он читал ей вслух, а она вязала. Фелисита подумала, что у этих людей она до известной степени будет свободна. Но от этих мыслей ей не становилось легче. Еще до смерти тети Кордулы какая-то непонятная тяжесть легла на ее душу. Одно было ясно: это настроение было в связи с приездом ее прежнего мучителя. Перед тем она была убеждена, что его личное присутствие только усилит ее ненависть и озлобление, но даже не подозревала, что эти чувства так сильно и загадочно омрачат всю ее духовную жизнь.

До нее доносился звучный голос читающего, но в этом голосе не было тех оттенков и той силы, которые слышались в голосе профессора. Фелисита сердито покачала головой. Почему ей пришло в голову это сравнение? Она заставила себя думать о другом. Суд назна-

чил адвоката Франка попечителем наследников из рода Гиршпрунг. Два дня назад в газетах появился вызов этих наследников. Фелисита напряженно ожидала результата, хотя была уверена, что он принесет ей новые неприятности. Если семья Гиршпрунг из Киля предъявит свои права на наследство, то тогда предположение, что жена комедианта была отвергнута своей семьей, подтвердится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.